

А. СВИРСКИЙ

Рыжик

Книги на все времена (Энас)

Алексей Свирский

РЫЖИК

«ЭНАС»

1901

УДК 82-3
ББК 84-4

Свирский А. И.

Рыжик / А. И. Свирский — «ЭНАС», 1901 — (Книги на все времена (Энас))

ISBN 978-5-91921-470-0

Санька, герой повести «Рыжик», – круглый сирота. Он живет на попечении приемных родителей в деревне Голодаевка, название которой говорит само за себя. Рыжику кажется, что где-то в других краях люди живут гораздо счастливее, он мечтает уйти из дома. И такой случай ему представляется. Рыжик встречает бродячего фокусника и вместе с ним покидает родные места. Будет ли его путешествие счастливым? Для среднего школьного возраста.

УДК 82-3
ББК 84-4

ISBN 978-5-91921-470-0

© Свирский А. И., 1901
© ЭНАС, 1901

Содержание

Предисловие от издательства	6
Часть первая	7
Глава I	7
Глава II	15
Глава III	17
Глава IV	21
Глава V	25
Глава VI	30
Глава VII	37
Глава VIII	41
Глава IX	47
Глава X	52
Глава XI	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Алексей Свирский

Рыжик

Серия «Книги на все времена»

© Е. Ведина. Иллюстрации, 2016

© ЗАО «ЭНАС-КНИГА», 2016

* * *

Предисловие от издательства

Русский писатель Алексей Иванович Свирский (1865–1942) родился в бедной семье. В 12 лет он остался круглым сиротой. Заботиться о нем было совершенно некому, поэтому мальчик оказался на улице и пристал к беспризорникам.

Целых 15 лет он вел бродяжнический образ жизни. Скитался по всей России, бывал в Персии и в Турции, своими глазами видел самые неприглядные стороны человеческой жизни. Ему довелось голодать, искать пристанища в ночлежных домах и притонах, попадать в тюрьму. В ранней юности он работал портовым грузчиком, таскал вагонетки на угольных шахтах Донбасса, собирал виноград и табак на плантациях Кавказа и Бессарабии, трудился чернорабочим на нефтяных вышках Баку.

Будущий писатель не учился в школе, но обладал талантом, наблюдательностью и стремлением к лучшему. Эти качества позволили ему изменить свою жизнь. В 1892 году он напечатал в газете первое стихотворение и с тех пор публиковался постоянно. Он написал около 20 книг. Больше всего читателям полюбились его повести о детях – «Рыжик», «Вор» и «Дети улицы».

У Саньки, героя повести «Рыжик», нет ни отца, ни матери. Он живет в деревне Голодаевке у приемных родителей, которые заботятся о нем, как умеют. Рыжик – добрый и честный мальчик, однако он доставляет окружающим немало хлопот своими шалостями и проказами.

Однажды, гуляя со своей собакой в окрестностях родной деревни, Рыжик встречает бродячего фокусника. Околдованный его искусством, очарованный рассказами о далеких больших городах, Рыжик решает увидеть мир собственными глазами. Жажда странствий уводит его из дома. Чему он научится в чужих краях? Вернется ли когда-нибудь назад?

Часть первая

Глава I

Откуда взялся Рыжик и кто его приютил

Птицы еще спали, когда Акси́нья вышла открывать ставни. Молодая женщина тихо скрипнула в сенях дверьми и перешагнула порог.

Солнце еще не взошло, но рассвет уже был близок. На востоке небосклон окрашивался в золотисто-сиреневый цвет. Звезды быстро гасли одна за другой. Береговая улица, или, как ее иначе называли, Голодаевка, спала крепким сном. Улица эта была застроена с одной только стороны, другая же сторона представляла собой высокий крутой обрыв, спускавшийся к реке.

Акси́нья, прежде чем открыть ставни, перешла босыми ногами пыльную немощеную улицу и остановилась на краю речного обрыва. Над рекой медленно расплывались серые кло́чья тумана. Маленькие, хилые домишки тесной ломаной шеренгой толпились на краю обрыва.

Хозяева этих хижин хотя и называли себя домовладельцами, но были бедняками родовитыми: бедность, нужда и всякие невзгоды переходили к ним из рода в род, как переходят к богатым громкие титулы или миллионные наследства. На Голодаевке никто не мог похвастать ни богатым дедушкой, ни промотанным именем.

Бедность жила здесь с незапамятных времен, так что голодаевцы давно уже привыкли к своей нужде, как негры привыкли к тропическому зною или как эскимосы – к жестоким морозам.

Не богаче других была и Акси́нья, жена Тараса Зазули. Муж ее хотя и был по ремеслу столяр и гробовщик, но денег у него никогда почти не было. Единственно, когда Зазули считали себя богачами, – это только во время Проводской или Успенской ярмарок, когда Тарас продавал партиями столы и табуреты, заранее заготовляемые им в своей мастерской.

В последние дни Тарас был занят именно этим делом. До ярмарки оставалось немного, и он очень спешил.

Просыпался Зазуля раньше обыкновенного и работал до глубокой ночи. Вот почему жена его в тот день, когда начинается наш рассказ, так рано вышла открывать ставни.

Зазулиха (так за глаза называли соседки Аксиныю) постояла с минуту на берегу, бросила сонный взгляд на небо, громко зевнула, перекрестила рот и направилась к своей хате.

Она стала открывать ставни. Всех окон в доме Зазулей было три. Молодая женщина открыла ставни, прикрепила их веревочками к стене, чтобы ветер ими не хлопал, и направилась было в хату, как вдруг услышала чьи-то тихие, жалобные стоны. Смуглое, загорелое лицо Аксиныи вытянулось от удивления и любопытства.

– Ой, ой, ой!.. – стонал кто-то за домом.

Аксиные показалось, что стонет женщина. Несколько секунд прислушивалась она к странным звукам, пугливо озираясь по сторонам. Но вокруг не было ни одной живой души. Наконец Аксиныя победила страх, и когда стоны особенно усилились, она подобрала ситцевую юбку и бросилась бежать, перепрыгивая через бурьян и крапиву, росшие около дома, в ту сторону, откуда слышались стоны. Аксиныя скрылась. Наступила тишина. Спустя немного Зазулиха с искаженным от страха лицом выбежала из-за угла дома и бросилась прямо в хату.

Тарас стоял перед верстаком и налаживал доски. Его громадная наклоненная фигура занимала чуть ли не половину комнаты. Одет он был в широкие шаровары и серую рубаху, а на босых ногах – мягкие самодельные шлепанцы.

– Тарас, выйди скорей на улицу! – крикнула запыхавшаяся Аксиныя, вбежав в мастерскую.

Лицо у нее было бледное, испуганное. Она вся дрожала.

– А что я там забыл, на улице?.. – проговорил равнодушным тоном Тарас, не отрываясь от дела.

– Иди скорей, иди же, говорю тебе... Посмотри, что случилось! – воскликнула Аксиныя.

– А что случилось? Курица удавилась?.. – засмеялся Зазуля.

– У, каменный ты человек!.. – озлилась жена. – Выйдешь ли ты из хаты аль нет?

– Как не выйти... От бабьего крика не только что из хаты, а из кабака и то выйдешь, – сказал Тарас и, низко наклонив голову, чтобы не стукнуться о косяк, вышел из мастерской.

Аксиныя забежала вперед.

– Вот здесь, за сарайчиком... Слышишь, стонет? Сюда иди!.. Слышишь?.. – задыхаясь от волнения, шептала Аксиныя.

Тарас молча следовал за нею, пытая трубочкой, которую он успел закурить по дороге.

– Вот здесь, смотри!.. Слышишь? – шепнула Аксиныя.

Тарас остановился. Перед ним на траве лежала женщина, а рядом с нею мирно спал завернутый в тряпки крошечный ребенок. Из полукрытого рта женщины вылетали слабые, хриплые стоны. Голова ее, повязанная темным дырявым платком, лежала на серой котомке. Бледная, с почерневшими губами, она имела вид умирающей. Глаза ее, неподвижные и как будто стеклянные, были устремлены в одну точку. Одежда ее состояла из грязных бесформенных лохмотьев.

Тарас с Аксиной молча, но значительно переглянулись, когда подошли к умирающей.

– Спроси-ка, кто она и как сюда попала, – тихо сказал Тарас жене.

– Послушай, милая, откуда ты? – приступила к допросу Аксиныя, наклонившись над больной. – Ты больна? Это твой ребенок?.. Как ты сюда попала?..

Аксиныя задавала вопрос за вопросом, но ответа не последовало. Незнакомка умирала – это было ясно.

– Я людей позову, – решительно заявила Зазулиха, взглянув на мужа.

– И то правда... Разбуди соседей, а то еще невесть что подумают, – согласился Тарас.

Аксинья убежала. Вскоре ее звонкий голос нарушил тишину наступающего утра.

– Выходите!.. – кричала Аксинья, стуча в ставни соседних домов.

Минут через десять небольшой дворик Зазулей был полон народа.

Солнце еще не успело взойти, когда неизвестная женщина умерла. В ту самую минуту, когда она испустила последний вздох, проснулся ее ребенок. Он заметался и заплакал. Прибегавшие бабы, у которых были свои дети, услышав голос плачущего ребенка, сейчас же определили, что ему всего три месяца от роду.

Аксинья, отвечая на вопросы, рассказывала, как она встала, как вышла открывать ставни и как услышала стоны.

– Она, стало быть, живая была? – перебивали ее слушатели.

– Конечно, живая, ежели стонала! Мертвые не стонут, – пояснила Зазулиха и продолжала свой рассказ.

А ребенок не переставал кричать, надрывая грудь.

– Его накормить надо, – догадалась одна из женщин и взяла его на руки.

Женщину эту звали Агафья-портниха. Муж ее был портной, человек слабый и пьющий. У Агафьи было пятеро ребят, из них один грудной.

Ребенок, как только очутился на руках у Агафьи, сейчас же замолк и припал к ее груди, точно замер.

– Ишь, как сосет! – удивлялся Тарас, у которого своих детей не было.

– Дитя есть хочет, известное дело... У покойницы, может, и молока-то не было, – хором заговорили женщины, перебивая друг друга.

– Эй, вы, тише, начальство едет! – крикнул кто-то.

Бабы умолкли.

Вдали показался голодаевский городской, Прохор Гриб, как его прозвали обыватели Береговой улицы. Это был старый отставной солдат, с мягким, точно вымоченным и выжатым лицом. На его сухом отвислом подбородке серебрилась белая щетина давно не бритой бороды. Прохор нюхал табак, и от этого его седые жидкие усы возле носа были покрыты темно-коричневыми пятнами. Сколько ему было лет, он сам не знал. Иногда он говорил, что ему восемьдесят, а иногда утверждал, что ему давно уже стукнуло сто. Городовым он был поставлен с незапамятных времен. Голодаевцы привыкли к Грибу, видя его перед собой всю жизнь, и смотрели на него так, как люди обыкновенно смотрят на речку, что вечно течет по одному и тому же направлению, или на дерево, пережившее несколько человеческих поколений.

– Что здесь такое? – жуя губами, спросил Гриб, подходя ближе.

– Нищая померла, – ответил Тарас и снова раскурил трубку.

– Человек помер, а тебе курить надо! – упрекнул старик Зазулю и укоризненно покачал головой.

Потом он достал табакерку, воткнул в ноздри две щепотки табаку и громко чихнул.

– Будь здоров, дедушка!..

– Проживи еще двести лет!..

– Расти большой!.. – приветствовали Гриба мальчишки, прибежавшие, как и взрослые, на крик Аксиньи.

– Пошли вон отсюда!.. Я вам!.. – закричал на детей старик и пригрозил им своей шашкой, имевшей такой же древний вид, как и он сам.

– Ой, дедушка, не пужай: со мной родимчик будет! – воскликнул один из мальчишек.

Другие покатались со смеху.

– Эй, вы, чего ржете?.. Проваливайте, пока целы! – крикнул на них Тарас и топнул ногой.

Ребята мгновенно притихли.

Прохор Гриб подошел к труп женщины и обнажил свою желтую безволосую голову. Издали голова его была похожа на большой бильярдный шар.

В толпе по поводу случившегося стали высказывать всевозможные догадки и предположения. Одни говорили, что покойница – крестьянка и что она умерла с голоду; другие полагали, что она отстала от партии рабочих, что вчера проходила через город; а Арина Брехуха, жена Сидора-печника, толстая плосколицая женщина, известная сплетница, настойчиво утверждала, что покойницу задушили грабители.

– Полно врать, Ариша! – пробовал остановить ее муж, присутствовавший тут же. – От твоей лжи вон, гляди, даже галка на заборе и та покраснела...

– Не галка, а нос твой от водки покраснел, пьяница несчастный! – закричала на мужа жена.

– Да ну вас!.. Что вы, на базаре, что ли, – орете-то? – остановил супругов Тарас, а затем, обращаясь к Прохору, проговорил: – Послушай, дедушка, убери ты, пожалуйста, покойницу... Мне некогда: у меня работа спешная.

– Ишь ты, чего захотел! – зашамкал голодаевский городской. – Я, брат, не главное начальство... Тут, хлопче (Прохор всех, и молодых и старых, называл хлопцами), надо, чтобы все по закону вышло... Перво-наперво надо квартального, Андрея Андреича, попросить, а он попросит пристава, а пристав попросит доктора, а доктор – следователя, а следователь – прокурора, а прокурор...

– А прокурор, – сердито перебил старика Тарас, – попросит тебя, старого гриба, а ты нос табаком набьешь и чихнешь – покойница, гляди, и воскреснет...

Тарас безнадежно махнул рукой и сам отправился за квартальным. А Прохор Гриб снова зашамкал беззубым ртом, объясняя кому-то закон, но его никто не слушал.

Ребенок только что умершей женщины перешел к Аксинье. Агафья, накормив его, отдала малютку Зазулихе, а сама отправилась домой, к своим детям.

– Вот у тебя нет ребят, возьми этого младенца к себе, – сказала Агафья, когда передавала Аксинье ребенка, – доброе дело сделаешь...

– Что вы, что вы! Где нам чужих кормить? Нам бы самим как-нибудь прожить... – возразила Аксинья, испугавшись слов Агафьи.

В это время ребенок благодаря неумелости молодой женщины высвободился из тряпок, в которые он был заверн ут, и заиграл крошечными ножками. Аксинья, боясь, чтобы он не выпал из рук, крепко прижала его к груди. Ребенок улыбнулся ей, обнажив беззубые десны. Это был красивый трехмесячный мальчик. Тельце у него было круглое, розоватое. Крошечные ножки и ручонки находились в непрерывном движении, большие карие глаза глядели открыто и весело.

– Какой славный мальчуган! – воскликнула одна из женщин. – И не похоже, чтобы мать его больна была... Вишь, какой он плотный да круглый!

– А волосенки-то как быстро у него выросли! – удивилась другая.

– Он рыжий будет, уж теперь и то головка у него будто из красной меди...

– Не прожить ему долго на свете...

– Уж какая жизнь круглой сироты!..

– Чего вы каркаете? Тьфу на вас! – крикнула на болтавших баб Аксинья и отвернулась от них.

Ребенок почему-то сразу стал ей дорог и мил. Полюбила она его в ту самую минуту, когда, трепетно прижавшись к ее груди, он впервые улыбнулся ей беззубым ротиком, устремив на нее большие карие глаза. Этот доверчивый взгляд наивных детских глаз пробудил в молодой женщине неведомое ей до этого чувство материнской любви и нежности.

«А и впрямь, не взять ли его к себе?» — мысленно рассуждала сама с собою Акси́нья, глазами лаская ребенка.

«А и впрямь, не взять ли его к себе? – мысленно рассуждала сама с собою Аксинья, глазами лаская ребенка. – Попрошу Тараса: он добрый – позволит. Дитя нас не объест, а вырастет – помощником будет...» Так думала Зазулиха, любуясь крошечным мальчиком.

А Тарас в это время возвращался в сопровождении Андрея Андреича, квартального надзирателя. Они шли вдоль речного обрыва. Андрей Андреич, полный мужчина, с большим круглым животом, был одет в белый китель. Несмотря на то что солнце еще не поднялось из-за рощи, зеленевшей на той стороне реки, Андрей Андреич пыхтел, отдувался и, снимая фуражку, вытирал носовым платком влажный от пота лоб.

– И жарко же сегодня будет! – пробасил квартальный.

– Н-да... Сегодня не холодно... – желая поддержать разговор, сказал Тарас.

– Постой-ка, – вдруг остановил Зазулю квартальный, – посмотрим, кто там рыбу удит. Не Яков ли это Иваныч, наш доктор?

Тарас подошел к самому краю обрыва и посмотрел вниз. Там, невдалеке от берега, стоял по икры в воде и удил рыбу какой-то человек высокого роста. Шляпа, сапоги и носки удильщика лежали на берегу, на широком плоском камне.

– Доктор и есть! – подтвердил Тарас, хорошенько вглядевшись в спину рыболова.

– Вот и отлично... Он-то нам и нужен, – сказал квартальный и также подошел к краю обрыва. – Яков Иваныч! – крикнул он, слегка нагибаясь.

Голос квартального глухими раскатами пронесся над сонной поверхностью реки. Удивший рыбу даже не шелохнулся, точно не его и звали. Резким желтым пятном вырисовывалась его длинная худая фигура на светлом фоне спокойной реки. Он одновременно удил двумя удочками, и обе руки были у него заняты.

В тот самый момент, когда Андрей Андреич крикнул, Яков Иваныч заметил, что у него клеует, и весь насторожился.

– Яков Иваныч, пожалуйста к нам! – вторично окликнул врача квартальный.

Но ответа не последовало. У доктора оба поплавка запрыгали на воде, и он весь ушел в свое дело. Окрики квартального выводили его из себя, но он молчал: он боялся испугать рыбу.

– Яков Иваныч, мертвое тело усмотрено, пожалуйста! – не унимался Андрей Андреич.

У доктора от злости зеленые круги завертелись перед глазами. «Разгонит, разгонит рыбу мою, негодный толстяк!» – с тревогой в душе подумал Яков Иваныч и хотел было квартальному махнуть рукой, но вспомнил, что руки у него заняты, и решил сделать это иначе. Когда Андрей Андреич в третий раз позвал его, он осторожно поднял из воды одну ногу и задрыгал ею, желая этим жестом дать понять квартальному, чтобы тот убирался. В то самое время, когда доктор жестикулировал ногой, клевавшие рыбы, съев приманку, преспокойно ушли.

– Скажите, пожалуйста, господин квартальный, вы клятву дали меня преследовать? – дрожа от негодования, воскликнул Яков Иваныч и обернулся лицом к берегу.

– Я по делу... честное слово, по делу!.. Мертвое тело вот у него во дворе усмотрено... – оправдывался Андрей Андреич, указывая на Зазулю.

– Истинная правда – усмотрено! – подтвердил Тарас. Доктор тяжело вздохнул и стал вытаскивать удочки.

Спустя немного он сидел на камне и, все еще волнуясь, надевал сапоги.

– «Усмотрено»... – ворчал доктор, натягивая на ногу сапог. – А вот у меня окунь был усмотрен, а вы его испугали своим мертвым телом... Нарочно встал до рассвета, чтобы никто не мешал, а тут на, принесла вас нелегкая...

Через минуту доктор оделся, свернул удочки и поднялся наверх. В это время показался пристав, бравый, рослый мужчина, со шпорами и лихо закрученными усами.

О случившемся приставу дал знать квартальный раньше, чем отправиться с Зазулей.

– А вы уже здесь, доктор?.. Здравствуйте, здравствуйте! – приветствовал врача пристав.

– Да, я уже здесь, а вот окунь далече...

– Какой такой окунь?! – удивился пристав.

– Яков Иваныч рыбу удил... – пояснил квартальный.

– Ах, вот оно что! – усмехнулся пристав. – Неужто, Яков Иваныч, вы не можете отказаться от своей страсти? Помните, в прошлом году, когда вы бултыхнулись в воду в одежде, а вас из реки вытащила моя прачка...

– Что вы этим хотите сказать? – с досадой перебил пристава Яков Иваныч.

– А то, что вы тогда слово дали...

– Эти воспоминания никого не интересуют, – пробурчал Яков Иваныч.

Пристав улыбнулся, расправил усы и умолк. Так они все молча и дошли до места происшествия.

Толпа, завидя начальство, расступилась и притихла. Пристав, доктор и квартальный подошли к трупку женщины. Их встретил Прохор. Старик, не спуская тусклых глаз с пристава, все время отдавал ему честь, держа руку под козырек. При этом он старался как можно больше выпрямить свою сутуловатую, дряхлую фигуру.

– Кто она такая? – спросил пристав, вглядываясь в пожелтевшее лицо покойницы.

– Не могу знать, ваше благородие! – ответил по-военному Прохор.

– Она не здешняя?

– Никак нет, ваше благородие! – отчеканил Гриб.

Толпа с большим интересом следила за всем происходившим. «Вишь, как ловко начальству лепортует... Ай да Гриб!..» – перешептывались голодаевцы, наблюдая за городовым. А ребяташки – те положительно пожирали глазами всю сцену: они всё замечали, всё улавливали. От их зорких глаз ничто не укрылось: ни шпоры пристава, ни его молодецкие усы, ни заплаты на ветхом мундире Прохора, ни тучная, слоновобразная фигура квартального, ни козлиная бородка доктора.

Началось следствие, которое, к слову сказать, ни к чему ни привело. Никто не знал покойницы и никто не мог удостоверить, откуда она, кто она и отчего умерла. Впрочем, доктор нашел было, что она умерла от разрыва сердца, но тут же добавил, что не ручается за это определение и что покойницу необходимо будет анатомировать.

Когда протокол был составлен, вспомнили про ребенка. Аксиныя все еще держала его на руках. Она успела уже переговорить о нем с Тарасом и разговором осталась недовольна: муж наотрез отказался взять мальчика к себе.

– Вот это мальчик покойницы? – спросил пристав у Аксины.

– Он самый.

– Гм... Как же теперь быть с ним?.. Его надо будет в полицию... А скажи, – возвысил голос пристав, обращаясь к Аксины, – он грудной?

– Грудной.

– Гм... вот беда! Куда мы его денем?..

– Я хотела его к нам в дом, – вдруг робко проговорила Аксиныя. – Хотела, стало быть, чтоб он завсегда у нас жил...

– Ну и прекрасно! – обрадовался пристав. – Возьмите его... И вам и нам приятно будет...

– Ах, – осмелев, перебила его Аксиныя, – знаю, что приятно будет, да вот муж у меня...

– А что муж... не хочет?.. У вас дети есть?

– И запах детского нет.

– Вот как! А где муж? Вот этот самый, здоровый-то? Тарас сделал шаг вперед и остановился, смущенный.

– Почему ты не хочешь приютить сироту? – спросил его пристав.

Тарас молчал.

– Ведь он тебя не объест, а нас от хлопот избавишь... Возьми, а?

Тарас энергично почесал затылок, пристально посмотрел на свои ноги, тряхнул головой и промолвил:

– Нехай!

Только всего и сказал он. Но от этого слова красивое смуглое лицо Аксиньи озарилось счастливой улыбкой, а в ее черных глазах засветилась радость.

Пристав, звякнув шпорами, двинулся вон со двора. За ним последовал доктор и квартальный, велевшие городовому остаться караулить труп.

Выйдя на улицу, пристав отдал квартальному приказание немедленно прислать подводу и отправить мертвое тело в приемный покой, а сам зашагал с доктором вдоль обрыва.

Глава II

Приемные родители

Хата Тараса битком набилась женщинами, пришедшими давать Аксинье советы, как обращаться с младенцем, как и чем его кормить и как его укачивать. Одна из них обратила внимание на то, что у ребенка на шее не было крестика.

– Ай, родимые, да у него имени нет! – воскликнула она.

– А и вправду нет! – обеспокоилась Аксинья. – Тарас, а Тарас! – окликнула она мужа, который уже успел снова приняться за работу.

– Что еще там? – послышался из мастерской голос столяра.

– Подь сюда, дело есть.

– Ах, чтоб вас!.. – проворчал Тарас и заглянул в другую половину хаты, где находилась Аксинья, окруженная соседками.

– У младенчика имени нет... – сказала Аксинья, подняв глаза на мужа.

– Нет, так и нет! А я-то тут при чем?

– А ежели он не крещен?

– А не крещен, так не крещен. Я его крестить не могу: я не поп.

Равнодушный тон Тараса огорчил и разозлил Аксинью.

– Ты, Тарас, никак, ополоумел... С этим шутить не смей!.. Ребенок должен имя иметь... А то ты не знаешь, как его зовут, а на прокормление взял...

– Не я взял, а пристав дал, – перебил Тарас жену. – А касательно крещения вот тебе что скажу: крестить сейчас не будем, а окрестим после Успенской, потому теперь денег нет.

– А как же мы его звать-то будем?

– Рыжиком пока что зови его.

– Слыхали вы, люди добрые? – развела руками Аксинья, обращаясь к соседкам. – Рыжиком велит младенца звать.

– Такого имени и в святцах нет, – заискивающим голосом, улыбаясь во весь рот, заметила Ариша Брехуха.

Ариша два месяца была в ссоре с Аксиньей и не ходила к Зазулям. Сегодня же она воспользовалась удобным случаем и проскользнула вместе с другими в хату Тараса.

– Уж я там не знаю, есть ли али нет такое звание в святцах, а знаю я, что мне некогда бабы разговоры разговаривать, а потому просим вас, гости дорогие, навестить нас после ярмарки, – сказал Тарас и, низко поклонившись, ушел в другую комнату, где стоял его верстак.

Соседки поняли намек Тараса и одна за другой стали убираться подобра-поздорову.

– Самим жрать нечего, а туда же, в благодетели лезут: сирот на прокормление берут! – злобно проворчала Ариша, выйдя на улицу.

Зазули были действительно бедные люди. Случалось, что у них не было куска хлеба в доме. В такие дни Тарас старался как можно меньше бывать дома и уходил в кабак заливать горе. Аксинья выходила из себя и устраивала мужу бурные сцены. Но не всегда Зазули ссорились. Бывали дни, когда они жили дружно. Случалось это тогда, когда Тарас, получив за работу деньги, приносил их домой и отдавал жене. В такие дни Аксинья буквально перерождалась. Из сварливой, а подчас даже несносной бабы она превращалась в нежную и любящую жену.

Нередко Тарас, возвращаясь домой с деньгами и будучи совершенно трезвым, притворялся пьяным, чтобы подшутить над женой и доказать ей, как часто она его ругает незаслуженно. Вот как это он делал: надвинув на лоб шапку и сделав пьяные глаза, он медведем вваливался в хату и кричал: «Оксана!.. Я пьян!..»

А для пущей убедительности Тарас срывал с головы шапку и бросал ее на пол. Немедленно появлялась Акси́нья. С одного взгляда жена догадывалась, что муж притворяется, но не показывала вида и, в свою очередь, принималась осыпать Тараса всяческими ругательствами.

Зазуля, спокойно выслушивая эту незаслуженную брань, от души радовался, что так удачно обманул глупую бабу. А когда Акси́нья, окончательно войдя в свою роль, хватала кочергу, он поспешно вставал с места, вынимал из кармана деньги и сквозь раскатистый смех говорил жене:

– На гроши да не лайся!

Акси́нья принимала деньги и с притворным удивлением разводила руками.

– Разве ты не пьян? – спрашивала она, широко раскрыв большие черные глаза.

Этот вопрос всегда вызывал со стороны Тараса неудержимый громовой хохот.

Таких сцен между супругами давно уже не происходило, потому что дела Тараса шли неважно. В последнее время Зазули жили в долг. За один только лес, из которого Тарас приготавливал столы и табуреты, он должен был около десяти рублей. На Голодаевке это значило: «быть в долгу, как в шелку». Единственно, что еще поддерживало супругов, – это надежда на ярмарку. Акси́нья видела, как Тарас старается, как он работает, и не трогала его. Супруги жили надеждой и не падали духом.

Надежда эта не обманула их: ровно через месяц после описанного в первой главе события Тарас благополучно распродал на ярмарке свой товар, уплатил долги и явился домой не только с деньгами, но еще и трезвым.

– Ну, Оксана, кричи караул: все продал и полный карман денег принес, – весело сказал жене Тарас, вернувшись с ярмарки. – Теперь Рыжика окрестить можно.

Акси́нья от радости не знала даже, что сказать. Наконец-то ее мечта сбылась, и ребенок останется у нее.

– Совсем расторговался? – спросила Акси́нья.

– То есть вот как расторговался!.. Стали купцы просить, чтобы я им шапку продал, люльку... А за кисет один сто рублей давал, на коленях стоял, а я ему: «Нет, купец-молодец, кисет непродажный, потому его моя законная жена сама делала».

– Полно врать! – остановила Тараса Акси́нья, видя, что тот шутит. – А ты лучше о крестинах подумай!

– И думать не о чем: пойду позову кума Ивана да куму Агафью, а вечером напьемся и будем песни играть, а Рыжика назовем Николкой...

– А зачем Николкой?

– А то как же?

– Александром надо.

– Ну ладно... Нехай Александр, – согласился Тарас и за все время в первый раз погладил головку приемыша.

Акси́нья с благодарностью взглянула на мужа.

– Наш мальчик? – тихо спросил Тарас и улыбнулся.

– Наш! – живо отвечала Акси́нья и тут же добавила: – Наш навсегда, и будет он у меня как родной...

Она наклонилась над корытом и тихо поцеловала ребенка.

Глава III

Через шесть лет

Прошло шесть лет. За это время много перемен произошло на Голодаевке. Умер Прохор Гриб, овдовела Ариша Брехуха, выстроил первый двухэтажный каменный дом лавочник Аким Сергеенко, у Зазулей родились и росли две девочки, Катя да Вера, а приемыш превратился в здорового и коренастого мальчугана, которого уже знает не только Голодаевка, но и весь город, начиная с богача Сергеенки, у которого он недавно камнем разбил оконное стекло в лавке, и кончая последней бродячей собакой.

Санька Рыжик, как его теперь называют, бегаёт по городу босиком. Головного убора он совсем не признаёт, и его рыжие, золотистые кудри свободно развеваются, когда он скачет по улице. Друзей-приятелей у Саньки хоть отбавляй. Мальчишки в нём души не чают: он их атаман, их предводитель. Зато взрослые его терпеть не могут и называют его «карой небесной». Рыжик, несмотря на свои шесть лет, успел уже всем порядочно насолить. Маленький, увертливый и ловкий, как обезьяна, он совершает с дружиной своей опустошительные набеги на сады и баштаны¹, уничтожая все, что попадает ему на пути. Поймать Саньку нелегко: он бегаёт, как олень, и хитер, как лисица. Если же случайно и удастся какому-нибудь садовладельцу поймать его и высечь крапивой, то от этого ему мало пользы: на другой день он недосчитается множества плодов.

Что бы в городе ни случилось, Санька тут как тут. Первым он является на пожар, на свадьбу, на похороны. Ни одна драка, ни один скандал не обходятся без того, чтобы Рыжик не присутствовал.

Зимой благодаря отсутствию сапог Санька редко показывался на улице, но зато летом он всем давал понять, что у столяра Тараса имеется приемыш, Санька Рыжик. Если по улице проходил плачущий ребенок с разбитым носом, все уже заранее знали, что разбитый нос – дело Санькиных рук. Цыгане, проходившие с учеными обезьянами, также хорошо знали Рыжика. Да оно и вполне понятно: разве мог этот сорванец пропустить обезьяну без того, чтобы не надеть на нее шапку или не довести ее до бешенства своими поддразниваниями? Короче говоря, Санька Рыжик на седьмом году своей жизни был известнейшим человеком на Голодаевке. Известность эту он приобрел нелегко: не один раз ему приходилось покорно ложиться под аршин² приемного отца, не один раз он с обрыва скатывался в речку и подвергал свою жизнь опасности, когда прыгал по крышам домов и колоколен, гоняясь за птицами.

Нельзя сказать, чтобы только что описанные способности Саньки особенно радовали Тараса. Почти ежедневно, выслушивая жалобы на проказы сына, Зазуля не жалел аршина, но от этого мало было пользы.

Рыжик по-прежнему опустошал сады и огороды и по-прежнему разбивал сверстникам носы.

– Не миновать тебе виселицы! – не раз говаривал Тарас, наказывая приемыша. – И откуда ты, каторжник, взялся на мою голову! – спрашивал он, нанося приемному сыну удар за ударом.

Но тут обыкновенно в дело вмешивалась Аксинья, и у Тараса опускались руки. Аксинья была совсем противоположного мнения о своем любимце. Безграмотная и забитая нуждой, она возлагала большие надежды на мальчика, которого продолжала горячо любить, несмотря на то, что у нее появились собственные дети. Когда Тарас в озлоблении кричал, что приемыш его не минует Сибири, Аксинья заступалась за честь сына и говорила:

– Неправда, мой Сашенька генералом будет.

¹ Баштан – поле, на котором выращивают арбузы, дыни или тыквы.

² Аршин – здесь: измерительная линейка длиной 1 аршин (0,71 м).

– Когда на каторге поживет, – вставлял Тарас.

– Врешь, он лучше тебя будет...

– Нехай!.. – насмешливо и презрительно отмахивался Тарас и этим несказанно злил жену.

Одно время – это было весной – Рыжик совсем было притих. Ему тогда было шесть лет. Редко выходил он на улицу, редко дома сидел, а больше всего находился в старом, полуразвалившемся сарае, за стеной которого некогда умерла его мать. Что он там делал – никто не знал. Впрочем, никто этим и не интересовался. Даже мальчишки и те, поскучав несколько дней без Рыжика, постепенно стали его забывать.

– Вот ты все бранил Сашеньку, – сказала однажды Акусья мужу, – а посмотри, какой он тихий да послушный стал. Цельный день сиротка играет в сарае один-одинешенек.

– Погоди хвастать, – заметил Тарас, – еще надо взглянуть, что он такое в сарае делает.

В тот же день Тарасу зачем-то понадобилось в сарай, и он туда отправился, забыв совершенно о приеме. Только он хотел переступить через перекладину, лежавшую у входа в сарай, как на него из темного дальнего угла сарая кто-то грозно и сердито заворчал. Тарас сейчас же догадался, что в сарае находится собака – судя по ворчанию, не маленькая. Зазуля стал вглядываться в угол, откуда раздавалось ворчание, и увидел огромного черного пса с лохматой шерстью и толстым пушистым хвостом. Собака лежала на стружках. Большая черная голова ее с круглыми коричневыми глазами покоилась на толстых передних лапах. Задние лапы были обмотаны какими-то грязными сырыми тряпками. Когда Тарас вошел в сарай, из-за спины собаки медленно поднялась рыжая голова Саньки. Увидав Тараса, Рыжик обнял собаку, судорожно прижался к ней и, не спуская больших испуганных глаз с отца, проговорил со слезами в голосе:

– Это мой пес... Я не дам его... Это мой пес...

– Я тебе, сорванцу, покажу «Мойпес», – полусуто-полусерьезно сказал Тарас и сделал несколько шагов вперед.

Но не успел он дойти до Рыжика, как пес поднял морду, ошетинился, обнажил зубы и так зарычал, что Зазуля невольно отступил назад.

– Ах ты, негодная тварь! – закричал уже не на шутку рассердившийся Тарас. – Погоди же, я тебе покажу, как рычать! А ты, – обратился он к приемышу, – вон отсюда!

– Не пойду, – заплакал мальчик, – это мой пес... Его нельзя обижать... Он больной...

Тарас посмотрел на приемыша, бросил взгляд на крепкие зубы все еще ворчавшей собаки и решил оставить их на время в покое. Вернее всего, столяр струсил, потому что у собаки был вид довольно внушительный и воинственный.

– Говорил я тебе! – сказал Зазуля, войдя в хату.

– Что говорил? – откликнулась Акусья, подняв на него глаза.

– А то, что твой сынок на каторге будет: оно по-моему и выйдет.

– Да говори толком, что еще там такое вышло?

– Пойди в сарай да посмотри!.. Увидишь, с каким он дядькой дружбу водит...

Акусья вышла из хаты.

Через несколько минут она вернулась радостная, улыбающаяся. Оказалось, что Рыжик нашел собаку на Черной балке, куда сваливали мусор. Собака лежала на мусоре, зализывала задние лапы и жалобно визжала, точно просила о помощи. Рыжик подошел к больному псу и увидел у него на лапах кровь. Мальчику сделалось жаль собаку, и он ее стал гладить.

– Мой бедный песик! – приговаривал Рыжик, проводя рукой по черной лохматой шерсти раненого животного.

А когда он стал уходить, больная собака ползком последовала за ним. Вот тут-то у мальчика и зародилась мысль вылечить пса и сделать его своим.

– Видала? – злорадно спросил Акусью Тарас, когда она вошла в хату.

– Видала. Ну так что ж?

– А Мойпес как тебя встретил?
– Какой Мойпес? – не поняла Аксинья.
– Да тот самый, что с нашим сынком обнявшись лежит. Сынок-то его называет «Мой-пес»...

– Он и мне кричал: «Это мой пес... Мой пес...» Глупенький, он думал, что я пришла за собакой.

– Так ты, стало быть, довольна ими? – строго спросил Тарас.

– Кем?

– Рыжиком и этим... как его... Мойпесом?

– Довольна. А что?

– Ничего... Только хлеба для пса я покупать не стану. У нас и без него много ртов. А у него пасть что твой колодец...

– Ладно... Собака больная... А у мальчика игрушек нет, пусть играет, только б он по улицам не бегал...

На этом разговор закончился. Тарас за делом и думать забыл о приемыше и о его Мойпесе.

Прошел ровно месяц. В один майский день долго не показывавшийся Рыжик неожиданно появился на Голодаевке, к великой радости сверстников. Сидя верхом на черной громадной собаке, он промчался вдоль всей Береговой улицы, изумив не только ребятишек, но и взрослых.

– Санька Рыжик едет! Санька едет!.. – восторженно кричали ребятишки, увидав «атамана».

Спустя немного детвора, поднимая тучи пыли, гурьбой неслась по улице, догоняя Рыжика. Вскоре ребята со всех сторон окружили Саньку.

Гордый и самодовольный стоял Рыжик посередине толпы, а возле него с высунутым языком стоял толстомордый пес и добродушно поглядывал на собравшуюся мелюзгу.

– Это твоя собака?

– Где ты ее взял?

– Как ее зовут?

Вопросы эти сыпались с разных концов.

– Я ее нашел, она была больная... Я ее вылечил, – рассказывал Рыжик товарищам.

– Что у нее было?.. Какая болезнь? – любопытствовали ребята.

– У нее ноги болели... Крови страсть сколько вышло!..

– А чем ты ее вылечил?

– Хлебом и тряпками, – самоуверенно ответил Рыжик. – Хлебом я ее кормил, а тряпки прикладывал к ногам... Теперь она здорова...

– Молодец, Санька! – восхищались товарищи. – А как ее зовут?

– Мойпес, вот как я ее назвал...

– Вот так имечко!.. Мойпес, на!.. Мойпес, сюда!.. – послышалось со всех сторон.

Но Мойпес и не думал двигаться с места. Он только добродушно поглядывал на детвору и тихо помахивал пушистым хвостом.

– А что он умеет делать? – снова приступили ребятишки к Рыжику.

– Что он умеет делать? – переспросил владелец собаки и задумался, так как он сам не знал, что умеет делать его собака. Но вдруг он поднял голову и ответил: – Мой-пес умеет кур гонять...

– А ну-ка покажи!

– Сейчас.

Через минуту на Голодаевке поднялась небывалая суматоха. Огромный черный пес с громким лаем гонялся за курами, которые до этого мирно рылись в мусоре, что кучками лежал вдоль речного обрыва. С громким кудахтаньем, обезумев от страха, неслись бедные птицы,

преследуемые черным псом. В воздухе закружились перья. Куры взлетали на заборы и на крыши домов. Рыжик, а вслед за ним многочисленная орава детей мчались позади собаки и оглушали воздух дикими криками.

– Тю, тю, тю!.. – кричал Рыжик, науськивая собаку на кур.

– Тю, тю, тю!.. – вторили ему мальчишки.

Наконец, окончательно забывшись, Санька вбежал во двор Ариши Брехухи и там стал действовать, натравливая пса. Аришины куры громко закудахтали и тяжело поднялись в воздух, взмахивая пестрыми крыльями. Большой петух, с пышным многоперым хвостом, взлетел на забор и так заорал, что даже Мойпес остановился и с удивлением поднял на него морду.

– Мойпес, куси его! – натравливали ребятишки собаку.

Но в это время из хаты выбежала с ухватом в руках Ариша, и армия Рыжика мгновенно рассеялась.

С этого раза Санька почти ежедневно выезжал верхом на своей собаке. Его сопровождала детвора. Взрослые, в особенности женщины, глядя на сорванца, самым серьезным образом предсказывали ему каторгу. Вообще о Рыжике обыватели Голодаевки были далеко не лестного мнения. Многие матери строго-настроено наказывали своим детям не играть с рыжим «чертенком» и не водить с ним дружбы.

– Он скверный, испорченный мальчишка, – говорили матери своим детям, – вы с ним не играйте...

Глава IV

Дуня

Однажды, года через два, в ненастную осеннюю ночь, когда семья Тараса Зазули спала мирным сном, кто-то с улицы несколько раз постучался в ставень окна. Первым услышал стук сам Тарас, а когда спустя немного стук повторился, проснулась и Аксинья.

– Тарас, слышишь? – шепотом спросила она.

– Слышу, – коротко ответил муж и нехотя стал слезать с печи.

– Кто там? – крикнул он, подойдя к окну.

– Это я... Дуня... – донесся с улицы детский голосок.

В хату вошла маленькая девочка, лет пяти, вся закутанная в большой дырявый платок, с которого стекали крупные капли дождя.

Девочка сделала несколько шагов вперед, остановилась посередине комнаты, закрыла руками лицо и навзрыд расплакалась.

В это время проснулся Санька. В одно мгновение мальчик наполовину свесился с печи и широко раскрытыми глазами стал следить за тем, что происходило внизу, в мастерской. Дуню он сейчас же узнал и по голосу, и по фигурке, маленькой и тонкой. Не раз он вместе с нею бегал по улицам, собирал цветные черепки разбитых блюдец и тарелок и не раз доводил ее до слез, пугая лягушками.

«Зачем она пришла так поздно, в такую ночь, и как она не побоялась одна идти?» – спрашивал у самого себя Рыжик и, не находя ответа, с еще большим вниманием стал прислушиваться к тому, что делалось в мастерской. Дуня между тем не переставала плакать. Возле нее стояли Аксинья и Тарас и с участием глядели на позднюю гостью.

– Ну, будет плакать, будет... – обратилась Аксинья к девочке. – Ты лучше расскажи, что у вас случилось.

Она обняла девочку и несколько раз погладила ее по головке. Дуня немного успокоилась.

– Дяденька сказали... – начала она, с трудом выговаривая слова, – гроб делать... мама моя... померла.

– Померла?! – в один голос воскликнули Зазули.

Дуня снова разрыдалась. На этот раз никто ее не стал утешать.

«На то она и сирота, чтоб плакала», – подумала Аксинья и обратилась к мужу:

– Из чего ты гроб будешь делать?

– Из досок.

– А есть они у тебя?

– Есть-то есть, да они у меня для другого дела припрятаны. Ну, да уж ладно! – махнул Тарас рукой и, по обыкновению, почесал затылок.

Зазули отлично знали осиротевшую девочку, знали покойницу, мать ее, которая последнее время сильно прихварывала, а главное, они знали, что дядя девочки, родной брат покойницы, он же Андрей-воин, ничего за гроб не заплатит. Старик аккуратнейшим образом пропивал свою трехрублевую пенсию до последней копейки. Зазуля все это отлично знал и тем не менее, не задумываясь, решил сделать гроб. Суровый только на вид, Тарас, в сущности, был очень добрый человек и чем мог всегда помогал ближнему. Такова была и Аксинья. Она хорошо понимала, в каком ужасном положении очутилась девочка, лишившись матери. От безрукого дяди ничего путного нельзя было ожидать.

«Бедная, что ждет тебя впереди?..» – думала Аксинья, глядя на плачущую девочку.

Тарас между тем принялся за дело. На чердаке у него имелось несколько досок, спрятанных им для рам. Столяру жаль было расстаться с этими досками, но делать было нечего, и он отправился на чердак. Тем временем Аксинья успела Дуню успокоить и уложить спать.

Спустя немного в хате Зазулей снова все утихло. Один лишь Тарас, усердно работая, нарушал тишину.

Рыжику не спалось. В голове у него копошились разные мысли. Рядом с ним, на теплой широкой печи, свернувшись калачиком, спала Дуня.

«Бедная Дуняша! – шептал про себя Санька. – Она теперь сирота, мамы у нее нет... Вот сделает мой папа гроб, уложат Дунину маму туда, заколотят крышку гвоздями, чтоб не выскочила, и зарюют... А в земле-то сыро, темно... Брр!» Мальчик вздрогнул: ему стало страшно.

– Дуня, а Дуня! – тихо окликнул он девочку.

Та проснулась и широко раскрыла глаза.

– Ты у нас будешь жить?

– Не...

– А где же ты будешь жить?

– Дома, с дяденькой...

– Без мамы-то?

– Она будет ко мне приходить и гостинцы носить.

– Как – будет приходить?.. – воскликнул Рыжик, не на шутку испугавшись. – Ты же сказала, мама твоя померла...

– Померла, – подтвердила девочка и зевнула.

– А разве мертвые ходят?

– Ходят. Мне дяденька сказали.

– А ты не испугаешься?

На последний вопрос ответа не последовало.

– А ты не испугаешься? – снова повторил Рыжик, но ответа не получил: девочка уснула.

Рыжику совсем сделалось страшно. В его воображении вставал образ Дуниной матери, которая с того света приходит к дочери с гостинцами.

На другой день, чуть только стало светать, Санька уже был на ногах. В правом углу мастерской стоял готовый некрашенный гроб. В хате пахло смолой. Когда совсем рассвело, за гробом явился Андрей-воин.

– А Дуня у нас! – радостно встретил Рыжик безрукого.

– Знаю, голубчик, знаю... Желаю твоему отцу и матери доброго здоровья и многие лета, – сказал Андрей-воин и единственной рукой своей провел по влажным глазам.

В старой, изношенной солдатской шинели, с пустым, болтающимся рукавом на одной стороне и в дырявых опорках на босу ногу, старый солдат имел печальный вид. Всегда под хмельком, всегда жизнерадостный и довольный своею судьбой, Андрей-воин выглядел теперь жалким, дряхлым калекой. Рыжик, глядя на «воина», который не один раз учил его маршировать и который своими прибаутками неоднократно заставлял уличную детвору покатываться со смеху, не узнавал веселого «дядьку». Давно небритый подбородок, морщинистое маленькое личико с седыми бачками и круглые глаза с красными воспаленными веками свидетельствовали о большом горе старого «воина».

Аксинья, увидав безрукого, принялась расспрашивать его о покойнице и о том, что она говорила перед смертью.

Андрей как мог сквозь слезы отвечал на ее вопросы.

– Вот ты, старик, брось теперь пить. Сестру не жалел, пожалей ее девочку... – говорила Аксинья.

– Разве я сестру не жалел?.. Я завсегда помнил, что она бедная вдова. Да помочь-то чем я мог, коли сам-то с голоду умираю?.. Пенсии три рубля получаю... Невелики деньги...

Старый солдат заморгал глазами, поблагодарил за что-то Аксинью и при помощи Тараса унес гроб.

Все утро Рыжик не отходил от Аксиньи, надоедая ей всякими расспросами:

- Мама, отчего люди помирают?
- Оттого, что время приходит.
- Ответ не удовлетворил мальчугана, и он задал другой:
- А почему, мама, людей в землю прячут?
- Уж так велит закон.
- И богатых в землю кладут?
- Перед смертью, деточка, все равны.
- И Сергеенко когда помрет, его в землю положат?
- И его положат.
- А ежели он много-много денег даст... тогда что?
- Глупенький ты мальчик!.. От смерти деньгами не откупишься.
- Тогда зачем же люди богатыми быть хотят?

На последний вопрос ответа не последовало: за печкой раздался крик маленькой Кати, и мать поспешила туда. Рыжик остался один со своими думами и старшей сестричкой Верой, пухлой трехлетней девочкой. Вера сидела под верстаком и играла деревянными кубиками отцовского изделия. На дворе лил дождь. Слышно было, как он барабанил по крыше. Рыжик крепко задумался. Главным образом думал он о Дуне, которая заснула только перед рассветом и теперь еще спала сладким сном, разметавшись на широкой печи.

«Как она теперь без мамы жить будет?» – спрашивал себя мальчик, и чувство глубокой жалости овладело его сердцем. «Кто за нее заступится? Где она жить будет?» – продолжал думать Рыжик. И вдруг его осенила мысль: «Ежели так, то я за нее буду заступаться», – решительно заявил он самому себе и влез на печь. Он хотел о своем решении сейчас же заявить Дуне, как только она проснется. А чтобы она скорей проснулась, он стал дергать ее за ноги. Это средство подействовало, и девочка проснулась. Она с испугом осматривала потолок, стены, не понимая, где она и что с ней. Наконец ее взгляд упал на Саньку, и она улыбнулась.

– Ты больше не хочешь спать? – спросил ее Рыжик, не зная, как начать разговор.

Дуня молчала и усиленно терла глаза кулачками.

– Слушай, я теперь за тебя заступаться буду... Хочешь?

Дуня вместо ответа утвердительно кивнула головой.

– Ну вот, умница ты, – обрадовался Санька и с жаром продолжал: – Ты, Дуняша, не бойся теперь: я в обиду тебя не дам! Ежели тебя мальчишки будут обижать, скажи мне: я живо с ними расправлюсь. Как напущу на них Мойпеса!.. Пугать тебя лягушками я не стану; а ежели ты кушать захочешь, я тебе хлеба дам и сахару дам... А как придет лето, я наворую много яблок и вишен и тебе принесу... Хочешь?

– Хочу, – пробормотала девочка.

Она еще не совсем пришла в себя и плохо понимала, о чем говорил Рыжик.

– А то еще я так сделаю... – продолжал мечтать вслух Санька, – украду у дядьки Петра сеть, да наловлю рыбы, да принесу тебе... Ты рыбу сжаришь, и мы ее будем есть. Хорошо?

– Хорошо!.. – улыбнулась Дуня.

Рыжик блаженствовал. Он уже воображал себя мужчиной, героем, которому предстояло спасти девочку. Одно, что смущало мальчугана, – это наступающая зима. Он вспомнил, как долго она в прошлом году тянулась, и ему сделалось грустно. Когда Дуня ушла домой «хоронить маму», как она сама выразилась, Рыжик забрался на печь и начал мечтать. В его пылком воображении с удивительной ясностью вставали сады и окрестности родного города. С замиранием сердца прислушивался он к воображаемому шепоту листвы, к тихому, ласковому рокоту ручья и к звонким песням жаворонка. То ему казалось, что он стоит на берегу речки и видит свое отражение на ее светлой, чистой поверхности; то он видел себя в чужом саду... Там тишина. Сад тихо дремлет, обогретый солнцем. Он сидит на толстой ветке старой яблони и, замирая от страха, срывает яблоки и торопливо прячет их за пазуху.

Но вот грезы мальчика оборвались. Тарас вернулся с похорон; его голос вернул Рыжика из фантастического мира, и он снова увидел себя на печи.

– Мама, а мама, сколько месяцев тянется зима? – спросил он, свесив голову.

– Полгода, миленький, тянется, а сколько месяцев, не знаю, – ответила Акусьня, занятая ребятишками.

Рыжик, вздохнув, умолк и задумался. А дождь все лил и лил без конца.

Глава V

Андрей-воин и его племянница

После долгой холодной зимы наступили наконец и теплые дни. Всё встрепенулось и ожило. Ожил и Рыжик. Словно птичка из клетки, выпорхнул он из хаты и очутился на улице, где его обдало таким светом, что он невольно зажмурился.

– И-их, как хорошо!.. – восторженно воскликнул мальчик и подошел к краю речного обрыва.

Еще кое-где вдоль обрыва виднелись клочки потемневшего снега, а уж по краям, точно бархатные ленты, зеленела молодая, сочная травка. Рыжик осмотрелся. Все было залито теплым солнечным светом. Задорно чирикали воробьи, клокоча и журча, мчались вешние воды, и впервые зажужжали насекомые.

Санька поднял голову. Высоко в прозрачном голубом воздухе кружился ястреб, а еще выше, под самым куполом бирюзового неба, тихо плыли светло-серые тучки. Стоя на краю обрыва, мальчик долго не мог оторвать восхищенного взора от взволнованной поверхности реки. Еще недавно, всего несколько дней тому назад, он видел речку, скованную льдом, засыпанную снегом, неподвижную, мертвую, а теперь... Сколько жизни, сколько прелести в ее седых струях!.. С высоты обрыва Рыжику хорошо был виден и противоположный берег реки. Там женщины полоскали белье, а немного поодаль несколько мальчишек удили рыбу. Не вытерпел Санька: высоко закатал штанишки, сбегал вниз и вошел в реку. Но холодная вода, будто крапива, ожгла ему ноги, и он бросился обратно.

– А где моя собака? Где Мойпес? – вспомнил про своего четвероногого приятеля Рыжик и отправился домой.

Но не успел он перейти улицу, как из двора Зазули выбежала собака и бросилась навстречу хозяину.

– Ах ты, мой голубчик Мойпеска!.. – радостно приветствовал Рыжик собаку.

Черный лохматый пес отвечал на ласку лаской. Он умильно помахивал пушистым хвостом и старался лизнуть мальчика в лицо. Зимой друзья редко видались. Мойпес жил в сарае, а в хату Тарас его не впускал.

– Ну, давай гулять, – сказал Санька Мойпесу, и они вдвоем побежали по улице.

При свете яркого солнца Голодаевка очень понравилась Рыжику. С любовью оглядывал он все, что попадалось ему на глаза. Вот она, родная улица, с ее вечной грязью, с хилыми домишками, с ее бедными обывателями, с ее свиньями, курами и собаками. Саньке здесь все знакомо. Вон белеет хата его крестной, Агафьи. Маленькие оконца раскрыты, и видно, как там внутри на деревянном катке сидит, поджав по-турецки ноги, Агафьин муж и шьет. Он бледный и вечно больной. На улице возле дома копошатся дети Агафьи, мальчики и девочки, все светло-русые, все светлоглазые.

Рыжик, сопровождаемый Мойпесом, подошел к своим крестным братьям и сестрам.

– Санька пришел, Санька! – обрадовались ребятишки. – Санька, сделай нам сабли! – приступили к нему мальчишки.

– А нам сделай мебель! – кричали девочки.

– Погодите, все сделаю... Сейчас некогда, – сказал Санька и побежал дальше.

Он добежал до дома крестного и снова остановился. «Войти аль нет?» – мысленно спросил себя Рыжик и тут же решил, что не стоит, потому что у Ивана Чумаченко детей не было, а жена его, длинная, сухопарая Катерина, была далеко не любезный человек.

– Едем дальше! – сказал Санька, обращаясь к собаке, и вторично пустился в путь.

Через несколько минут он уже был далеко и от реки, и от Береговой улицы. Бега по городу, он собирал свою рать, с которой давно не видался. В какой-нибудь час Санька успел

обежать весь город, измерить босыми ногами глубину всех луж и мимоходом натравить Мойпеса на кур и на кошек. Мальчишки, бегая за своим предводителем, покатывались со смеху и приходили в восторг от громадного и умного Мойпеса. Спустя немного на улице не было ни одной курицы, ни одной кошки, ни одного поросенка: Санька всех разогнал, всех встревожил.

Этим первым своим подвигом Рыжик как бы давал знать обывателям, что он жив и что им еще немало придется претерпеть от него.

– Ну, братцы, теперь пойдемте у лошадей хвосты драть! – скомандовал Санька, когда от кур помина не осталось. – Нарвем волос и будем лески делать. Только смотрите, рвать хвосты у белых коней: черной лески рыба боится...

Он хотел еще что-то сказать, но вдруг вспомнил о Дуне и мгновенно умолк и притих.

– Я с вами не пойду, – после некоторого молчания заговорил Рыжик, – вы сами нарвите волос, а уж лески я потом сплету вам...

– А ты куда же пойдешь?

– Мне надо к Андрею-воину... Там Дуняшка... Она сирота... Мама у нее померла... Я ей сказал, что обижать ее (Рыжик нахмурился и возвысил голос) я никому не позволю... Сироту обижать нельзя, ее мама с неба все видит...

С этими словами Санька, а за ним и Мойпес убежали, оставив товарищей в большом недоумении.

Полуразвалившаяся хатенка безрукого солдата, как большой сгнивший гриб, торчала на конце Береговой улицы, окруженная со всех сторон невылазной грязью. Хата эта, доставшаяся Андрею-воину от отца, хотя и была его собственностью, но тем не менее среди голодаевцев не было человека беднее старого солдата. Чем существовал этот горе-домовладелец – трудно сказать. Известно было только, что извне и внутри его дома не было ни одной мало-мальски ценной вещи. Даже то, что осталось после сестры, было стариком продано и пропито. Постель – и та была снесена в кабак, и дядя с племянницей валялись на голой холодной печи. Бывало, с утра до глубокой ночи ждет Дуня, когда придет старик и принесет ей чего-нибудь поесть, а дяди нет как нет. Голод вызывает у Дуни мучительные страдания; она несколько раз принимается плакать, утихает, снова плачет, а кругом ни души.

К вечеру становится темней. Густой мрак окутывает девочку.

Ей холодно, голодно и страшно.

– Мама, мамочка!.. – жалобно всхлипывает Дуня. Но, испугавшись собственного голоса, быстро утихает.

Она одна... Кругом ни души, ни звука. Только ветер уныло поет свою нескончаемую песню и время от времени, точно разозлившись, хлопает наружными дверьми полуразвалившейся избушки.

Впрочем, не всегда Дуня одна: бывают дни, когда Андрей-воин шагу из дома не делает. Тогда Дуне еще хуже приходится: добрый и мягкосердечный в трезвые минуты, Андрей-воин, напившись, становится зверем. Не понимая сам, что делает, старик заставлял Дуню выделывать всевозможные артикулы. Девочка должна на все вопросы отвечать бойко, кратко и ясно.

– Артикул!.. – крикнет Андрей-воин, и Дуня, зная уже, что это значит, со всех ног кидалась за печку, откуда в ту же минуту возвращалась с большой палкой в руке.

– Смирно!.. – раздавалась хриплая команда пьяного инвалида. – Глаза направо!.. Во фрунт!..

И девочка, замирая от страха, поворачивалась во все стороны согласно команде.

Вот в такую-то именно минуту, когда Андрей-воин был дома и муштровал племянницу, явился Рыжик. Мальчик еще из окна увидел, что делается в хате старика, и решил избавить Дуню от мучений. Из всех уличных мальчишек он один только не боялся Андрея, из-под единственной руки которого он умел во всякое время увернуться.

Завидя Рыжика, отставной солдат поднялся с лавки, приосанился и крикнул:

– Артикул!

– Здравия желаю, дяденька! – крикнул, в свою очередь, Санька, зная, что Андрей любит подобного рода приветствия.

– Дурак!.. Я не дяденька, а отставной ефрейтор сто пятьдесят первого Брест-Литовского пехотного полка и георгиевский кавалер! – выпалил безрукий и сделал несколько шагов к Рыжику. – Артикул! – крикнул он снова.

Санька немедленно опустил руки по швам и выпятил вперед грудь. В хате на мгновение сделалось тихо. Слышно было, как тяжело дышал растянувшийся на полу Мойпес.

Андрей-воин молча и серьезно оглядывал фигурку мальчика, его позу и, оставшись, по-видимому, доволен выправкой, с достоинством истинного командира проговорил:

– Молодец, спасибо!..

– Рад стараться, ваше благомордие!.. – скороговоркой ответил на похвалу Рыжик и тут же добавил: – Меня папа за вами, дяденька, послали... Они с крестным в питейном сидят.

Не успел еще мальчик кончить, как Андрей-воин, не говоря ни слова, схватил картуз и выбежал вон.

Дети остались одни.

Как ни был мал Рыжик, но он уже отлично понимал, что такое нужда и бедность. Оглядывая хилую, тощую фигурку Дуни, мальчик почувствовал к девочке жалость, и ему захотелось чем-нибудь ее обрадовать, заставить ее улыбнуться, развеселиться, но, к сожалению, у него ничего не было: ни игрушек, ни лакомств. Он сам только сегодня впервые вырвался на свободу.

– Пойдешь к нам? – после некоторого молчания обратился Рыжик к Дуне.

Та молчала, низко опустив голову.

– Пойдешь? – повторил Санька, но, не получив ответа, принялся уговаривать: – Пойдем!.. У нас тебе хорошо будет... У мамы теперь много работы есть... Ты помогать будешь... Идем, а?..

Дуня наконец подняла на него синие грустные глаза и, к величайшему удовольствию Рыжика, улыбнулась.

– А ты меня в воду не бросишь? – вдруг спросила Дуня.

– За что я тебя брошу?.. Разве можно тебя в воду бросать, глупенькая? Ведь ты сирота... Тебя обижать нельзя...

– А почему меня дядя обижает? – тихо спросила Дуня.

– Дядя почему обижает?.. – переспросил Санька и задумался, не зная, что сказать и чем утешить свою подругу.

В это время промелькнула мимо окон серая шинель Андрея-воина. Дуня от страха съехала в комочек.

– Дяденька идут... – прошептала она, невольно прячась за спину Рыжика.

В сенях слышались тяжелые шаги, а вслед за тем в дверях хаты показался Андрей-воин. Он был страшно разозлен.

Небритый острый подбородок его вздрагивал, серые бачки тряслись. В руке он держал толстую суковатую палку.

– Я вам, чертенятам, сейчас покажу, как обманывать меня! – крикнул старик и стукнул палкой об пол. – А с тебя, – продолжал он, обращаясь к Дуне, – всю шкуру сдеру...

Старик еще раз стукнул палкой и с яростью бросился к детям. Но не успел он переступить порог, как на него вдруг заворчал Мойпес, который до того мирно лежал на полу в своей любимой позе.

– Ну, ну... Ты посмей только! – упавшим голосом сказал собаке старик и слегка пригрозил ей палкой.

Мойпес ошетинился и так зарычал, что старый солдат
невольно попятился назад.

Но едва только он это сделал, как Мойпес поднялся на ноги, ошетинился и так зарычал, что старый солдат невольно попятился назад.

– Ах ты, окаянный пес, чтобы тебе сдохнуть! – пробормотал растерявшийся «воин». Рыжик залился смехом.

– Вот так собака у меня... Ай да Мойпес!.. – восхищался поведением пса Санька.

– Послушай, ты, рыжий чертенок, убери свою подлую собаку, а не то рассержусь... – проговорил старик, размахивая палкой.

– Сердись, дяденька, сердись! – сквозь смех сказал Рыжик и обернулся к Дуне: – Пойдем, Дуня... сюда, в окно...

– Я боюсь... – прошептала девочка.

– Не бойся, Мойпес его не допустит... Пойдем, я своей маме расскажу, она тебя у нас жить оставит.

Санька почти насильно втащил Дуню на лавку, а потом выскочил из окна и то же самое помог сделать девочке.

– Дунька, назад! – крикнул Андрей-воин.

Но дети его не слушались. Оба они без оглядки пустились бежать. Через минуту их настиг и Мойпес.

Аксинья в это время белила хату. До Пасхи оставалось несколько дней, и у Аксиньи работы было по горло. Не менее усердно трудился и Тарас: он заготавливал товар на Проводскую ярмарку.

– Мама, я Дуньку привел, – сказал Рыжик, подойдя к матери.

– Зачем?

– Дядя пьян напился... Бьет ее... Она плачет...

– Ох, горе горькое! – вздохнула Аксинья, продолжая делать свое дело.

– Мама, Дуне можно у нас жить?

Аксинья сделала вид, будто не слышит.

– Мама, можно? – повторил Рыжик.

– Ах ты, глупенький ты мальчик! Ежели бы мы были богаты, то не одну, а двадцать Дунек взяли бы на прокорм, а то сам знаешь, какие мы богачи: сидим без хлеба на печи... Ну, да пусть до праздника поживет, – закончила Аксинья и снова вздохнула.

– Ну вот, слышишь? – нагнулся Рыжик к Дуне. – Можешь жить у нас. А дядя к нам не придет, ежели у нас Мойпес есть...

На бледном лице Дуни появилась улыбка.

Глава VI

Новое знакомство

Для Рыжика весна промчалась, как сон. Одно радостное впечатление сменялось другим. Каждый день приносил мальчугану новые восторги, новые забавы. Все эти радости Санька делил с Дуней.

Не успел мальчик оглянуться, как прошла Пасха, а вскоре за нею открылась и Проводская ярмарка. На этот раз Зазули особенно хорошо приготовились: Тарас, помимо столов и табуретов, заготовил четыре стана колес. Колеса приобрел он по случаю в компании с кумом Иваном Чумаченко. Аксинья подкормила к ярмарке двух поросят и надеялась их выгодно продать. Даже Рыжик и тот имел свой товар: Тарас наделал ему несколько деревянных ружей и сабель.

В первый день, когда был поднят флаг, Санька отправился на ярмарку вместе с приемными родителями.

Зазули еще накануне выбрали на базарной площади место, свезли столы и табуреты, отслужили дома молебен, а потом при благосклонном участии компаньона и кума Ивана Чумаченко распили штоф водки.

Сегодня вся эта компания направлялась к ярмарочной площади в следующем порядке. Впереди шел сапожник Иван и обеими руками подталкивал два стана колес, которые были нанизаны на длинный кол. Рядом с ним шла жена его Катерина. Высокая и худая, как жердь, она вся была обвешана конской сбруей. На тонкой и длинной шее Катерины висел огромных размеров хомут, совершенно покрывавший ее узкие плечи и плоскую, впалую грудь. На руках у нее висели шлеи, подпруги, недоуздки и кожаные вожжи. Сбрую эту Иван еще осенью приобрел за два рубля, потому что она вся была изорвана и испорчена. Великим постом Чумаченко сбрую починил и теперь надеялся ее выгодно продать.

Позади супругов Чумаченко шествовали Зазули. Тарас, как и кум его, катил два стана колес, а шедшая рядом Аксинья вела на веревке двух откормленных поросят. Потом уже шел Рыжик. Босой, в серой рубашонке и помятом картузе, из-под которого капризно выбивались почти красные кольца густых кудрей, Санька имел преуморительный вид. За плечами, точно вязанка дров, болтался его «товар». Всегда резвый и всегда готовый на какую угодно шалость, Рыжик на этот раз напустил на себя необыкновенную серьезность, будто он шел за невесту каким нужным делом. Впрочем, для Рыжика все это было очень важно, так как Тарас еще накануне сказал ему, что половина из того, что он выручит за игрушки, поступит в полное его распоряжение.

Шел на ярмарку и Мойпес.

Он меланхолично плелся позади Рыжика и раздувал ноздрями мелкую серую пыль, мягким и толстым слоем покрывавшую дорогу.

Было еще очень рано. Солнце только что взошло. В воздухе пахло дегтем и сухим прошлогодним сеном. Несмотря на ранний час, весь город был уже на ногах: по улицам ползли и скрипели телеги, повсюду слышалось конское ржанье и громкие окрики по адресу волов:

– Гей, гей!.. Цоб, цобэ!..

До ярмарки оставалось уже немного. Она находилась на окраине города, на так называемом Конском базаре. Компания стала подходить к площади. Тут Санька не выдержал. Ему захотелось первым попасть на ярмарку, и он бросился вперед, к великой радости Мойпеса, которому надоело это медленное и торжественное шествие.

– Куда, каторжник, удираешь?.. Подожди, говорю тебе!.. – крикнул вслед мальчику Тарас, но того и след простыл.

Через несколько минут Санька стоял на вершине небольшого холмика и, тяжело дыша после быстрого бега, глаз не спускал с чудной картины, представшей перед его взором. Он как на ладони увидал всю ярмарку.

Обширная площадь была битком набита людьми, телегами с поднятыми оглоблями, разношерстными лошадьми, коровами и палатками. Свист, гам, смех и говор толпы, ржанье лошадей, звуки гармоники и вой дудки, доносившиеся с площади, сливались в один общий многозвучный гул.

– Гайда! – крикнул Рыжик Мойпесу и стремглав бросился вниз, к площади, где он вскоре затерялся в толпе, как иголка в стоге сена.

Быстро промчался день. Санька столько воспринял впечатлений, что у него в конце концов в глазах зарябило и голова закружилась. К вечеру он совсем устал. Толпа, шум и движение ему наскучили. Зазули и Чумаченки продали свой товар и отправились в трактир делить выручку. Санька и Мойпес остались одни. Рыжик не продал ни одной сабли, ни одного ружья и остался ждать покупателей. С уходом родителей ему сделалось совсем скучно, и он уже пожалел, зачем не послушался матери и не пошел вместе с ними. А покупателей не было. Подходили к нему голодаевские ребяташки, брали в руки деревянное оружие и, за неимением денег, отходили прочь.

Близился вечер. Народу на ярмарке становилось меньше. Рыжик готов уже был заплакать от досады, что за весь день не мог продать ни одной вещи, как вдруг явились настоящие покупатели. Их было трое: два мальчика, одетые в синие суконные курточки и в полусапожки на пуговицах, и высокая, стройная женщина в трауре.

– Продаешь ружья? – тоненьким голоском спросил у Рыжика один из мальчиков, остановившись перед ним.

– Сережа, зачем тебе это?.. Пойдем домой, уже пора... – устало проговорила женщина.

– Ах нет, мама, нам это нужно! – живо подхватил другой мальчик.

– Володя, ведь ты старше... Ну для чего вам эти палки?

– Это, мама, не палки, это оружие, – заговорили вместе Сережа и Володя.

Рыжик молчал и во все глаза смотрел на панычей. Он знал их. Это были сыновья покойного директора гимназии, а с ними их мать, вдова. Санька даже знал, где они живут. Их дом находился в Предречной улице, недалеко от Голодаевки. Это был самый красивый в той местности дом, со стеклянной верандой и с большим фруктовым садом. В сад этот Рыжик проникал через забор. Там росли яблоки, груши, вишни и сливы. Санька всегда думал, что богаче директора нет людей на свете. В прошлом году, когда он умер, не счесть сколько народу шло за гробом...

– Продаешь? – вторично спросил Сережа.

Санька сдернул с головы картуз, поклонился и жалобным голосом пробормотал:

– Купите, панычи!.. Цельный день стою... Хоть бы одна собака подошла...

– Вот же собака подошла... – шутя заметил Володя, указывая на Мойпеса, который лежал у ног Рыжика, уткнув черную морду в передние лапы.

Рыжик посмотрел на собаку, потом перевел глаза на Володю и засмеялся.

– Сколько тебе лет? – обратилась к нему мать панычей.

– А я не знаю... Может, восемь, а может, и десять... Купите...

Услыхав ответ Рыжика, Сережа и Володя рассмеялись. Улыбнулась и их мать.

– Чей ты?

– Я сын столяра Тараса, – ответил Рыжик.

– Это отец тебе ружья сделал?

– Он.

– Почему продаешь?

- Ни почем.
- Как – ни почем?
- Да никто не покупает.

Санька при этом развел руками и тряхнул красными кудрями. Снова все рассмеялись. Рыжик показался панычам очень смешным и забавным.

- Сколько же ты думал выручить за свой товар? – продолжала расспрашивать вдова.
- Полтинник, – не задумываясь, ответил Рыжик.
- А что бы ты сделал с полтинником?
- Я бы четвертак отдал родителю...
- Кому?

– Родителю, – повторил Рыжик. – А потом я бы купил себе сапоги и еще крючков для удочки... Потом бы я Дуньке купил гостинца...

- Это все на один четвертак-то? – улыбнулась мать панычей.

Она еще хотела поговорить с забавным мальчиком, но вокруг них стала собираться толпа.

- Ну, пойдемте, дети, уже не рано, – обратилась она к сыновьям.
- А как же оружие-то?
- А я снесу, – живо подхватил Рыжик, – я знаю, где вы живете.

С этими словами он поднял с земли свой «товар» и направился за покупателями. По дороге мать панычей стала расспрашивать Саньку про его житье-бытье.

Бойкий и смывленный мальчуган на все вопросы отвечал толково и подробно. Он рассказал, между прочим, как он нашел Мойпеса и как он выкормил и приучил к себе бездомную собаку. Панычам эта история очень понравилась. Они часто оглядывались на пса и восхищались его ростом. Потом Рыжик рассказал про Дуню. Наивный, бесхитростный рассказ мальчугана тронул женщину. А Володя с Сережей – те просто были возмущены поведением старого Андрея-воина.

– Разве можно бедную сиротку так мучить?.. Его в полицию за это! – воскликнул Сережа, взволнованный рассказом Саньки.

– Он полиции не боится: он с турками воевал, – поспешил заявить Рыжик. – Он вот кого боится, – указал он на собаку и тут же подробно рассказал, каким образом он спас Дуню от побоев и как его защитил Мойпес.

Володя и Сережа от этого рассказа пришли в восторг. На Рыжика и на его собаку они начали смотреть с уважением.

– Ты к нам приходи каждый день! – шепнул Рыжику Сережа. – Мы будем как товарищи... Можно, Володя? – обернулся он к брату.

- Отчего же, можно... – великодушно разрешил старший брат.

Совсем стемнело, когда Санька вернулся домой. Первый день ярмарки закончился для него так хорошо, как он сам не ожидал. Веселый и довольный, вбежал он в хату, желая рассказать, что с ним случилось и с кем он познакомился, но, к сожалению, родителей не оказалось дома: они все еще где-то с кумовьями делили выручку. В хате были одни только дети. Дуня сидела на лавке и, как автомат, раскачивала колыбель, в которой спала Катя. Рядом с нею сидела Верочка, заплаканная, с красными от слез глазами.

- Мама дома? – воскликнул Рыжик, как только переступил порог дома.

– Мамы нету, – тихим, жалобным тоном ответила Вера и готова была заплакать, но Санька не дал.

- Глядите, что у меня есть!.. – воскликнул он и подошел к окну, чтобы быть ближе к свету.

Дуня, взглянув на Рыжика, ахнула от удивления: на нем были сапоги – и сапоги не какие-нибудь, а с глянцем и с голенищами! Даже Верочка и та захлопала в ладоши, забыв про свое горе.

- Видали? – широко улыбаясь, спросил Рыжик и несколько раз повернулся на каблуках.

Мальчик положительно захлебывался от восторга. В первый раз за всю жизнь его ноги были обуты в сапоги.

Не привыкший к подобной роскоши, Санька не совсем-то ловко чувствовал себя в сапогах; ему даже было немного больно, но он на эти пустяки не обращал внимания.

– А вот такую штуку видали вы? – спросил Рыжик и вытащил из-за пазухи круглую матросскую шапочку с черной лентой, на которой вылинявшими золотыми буквами было написано «Владимир».

Санька надел шапочку, руками подпер бока и фертom прошелся по комнате, стуча каблуками. Вид у него был прекомичный. Шапочка и сапоги нисколько не гармонировали с серой рубахой и полотняными штанишками, изорванными и запачканными. Но, по мнению Дуни и Верочки, Санька был великолепен.

– Ты теперь как паныч! – сказала Дуня, не спуская глаз со своего покровителя. – Кто тебе это дал?

Санька, торопясь, глотая слова, стал рассказывать девочкам, как он провел время на ярмарке, как потом старшие оставили его одного, как ему стало скучно и, наконец, как подошла к нему барыня с панычами.

– Одного зовут Сережа, – торопливо рассказывал Рыжик, – а другого – Володя!.. Володя старше... А какой у них дом!.. Комнат много-много! И зеркала, и картины – войти страшно... Барыня добрая, а с панычами я уже товарищ... Завтра в войну играть будем. Они купили у меня ружья и сабли... И деньги дали. Вот они... (Рыжик показал деньги.) Володя мне подарил шапочку и сапоги. Теперь я босиком никогда ходить не буду... Завтра и ты пойдешь со мной... – закончил Рыжик, обращаясь к Дуне.

– А я? – уставилась на него Верочка и уже заранее надула губы.

– И ты пойдешь... А где мама?

– Не знаю... Мы есть хотим! – сказала Дуня и умолкла.

– А я сейчас пойду и булку куплю. Хорошо? – проговорил Санька и, не дожидаясь ответа, выбежал вон.

...Сумерки сгущались. Наступал теплый весенний вечер.

На другой день, только что в доме проснулись, Рыжик уже собрался было идти в гости к своим новым знакомым, но его не пустила Аксинья.

– Куда ты в такую рань пойдешь? Там еще спят, наверно, – сказала она ему.

Мальчик нехотя покорился. Он сгорал от нетерпения, и время для него тянулось невыносимо долго. Но вот наконец настал желанный час, и Санька, в сопровождении Дуни и Верочки, отправился «в гости к панычам».

Мальчики встретили Рыжика и его спутниц с радостью. Сережа сообщил гостям, что дома, кроме бабушки, никого нет и что поэтому они смело могут войти в дом.

– У нас бабушка добрая: кто хочет, пусть придет – она слова не скажет. А вот фрейлен Берта – та страшно злая, – говорил без умолку Сережа, обращаясь то к Рыжику, то к Дуне. – Все читать да читать заставляет, – продолжал Сережа, – а играть не позволяет. Я не люблю фрейлен: она злая...

– Ну, будет, замолол уж! – перебил его Володя и пригласил гостей пожаловать за ним в детскую.

Рыжик первый поднялся на ступени широкого крыльца. На Саньке были Володины сапоги и шапочка. Желая показать Дуне и сестре, что он здесь уже свой человек, Санька напустил на себя храбрости и смело поднялся на площадку, где остановился перед дверьми в ожидании, когда взберутся девочки. Но вся эта развязность была напускная, потому что Рыжик трусил порядком. О девочках и говорить нечего! Володе и Сереже немало труда стоило уговорить их войти в дом.

Комнаты, куда наконец попали «гости», совершенно их ошеломили. Даже Рыжик и тот растерялся. Вчера он дальше столовой не был, а сегодня они проходили через гостиную. Верочка, войдя в эту просторную и хорошо обставленную комнату, расширила от удивления глаза и даже немного попятилась назад, когда увидела себя в громадном, до потолка, зеркале. Дуня также струсила. Ей страшно было ступить босыми ногами на ковер, пестрый и мягкий.

– Идемте! Чего стали? – шепнул девочкам Рыжик.

– Сюда, сюда идите! – весело командовал Сережа.

В детской «гости» вздохнули свободней. Здесь не было ни ковров, ни цветов, ни бронзовых ламп, ни мягкой, дорогой мебели. Но зато игрушек здесь было столько, что у Рыжика и у его босоногих спутниц глаза разбежались.

Девочки прежде всего увидели двух больших нарядных кукол. Одна из кукол, брюнетка со светло-голубыми глазами, сидела на полу в бальном платье, отделанном кружевами; другая, блондинка с черными глазами, сидела на окне против дверей и была одета в роскошное бархатное платье цвета спелой малины.

Дуня, увидав кукол, остановилась и замерла на месте. То же самое случилось и с Верочкой. Сначала они подумали, что это живые девочки сидят – до того куклы были велики и хорошо сделаны.

– Это чьи куклы? – спросила Верочка, вынув изо рта палец, который она все время сосала, словно конфету.

– Куклы не наши, мы с ними не играем... – быстро заговорил Сережа. У него была привычка говорить скоро. – Это Надины игрушки. Она в деревню уехала. Мама и фрейлен Берта привезут ее завтра... Она гостит у тети Паулины...

Девочки не слушали и не понимали его: они впились глазами в кукол и не могли от них оторваться.

Пока девочки были заняты рассматриванием кукол, Рыжик уже успел взобраться верхом на деревянную лошадь.

– Вези меня! – приказал он Сереже, размахивая ногами.

Санька сразу почувствовал себя здесь своим человеком. Нисколько не стеснясь, он громко понукал лошадь, причмокивал, посвистывал и раскачивался во все стороны. Развязность Рыжика продолжалась до тех пор, пока в детскую не вошла бабушка мальчиков. Появление старухи смутило Рыжика, и он притих.

– Бабушка, бабушка! – запрыгал Сережа, увидав старуху. – А у нас вот кто... – указал он на «гостей».

– Играйте, играйте, деточки! – проговорила бабушка и улыбнулась.

Тут только Санька заметил, что бабушка очень похожа на Володину маму и что у нее такая же добрая улыбка. Этого вполне для него было достаточно, чтобы снова почувствовать себя свободно и хорошо.

Бабушка уселась в большое кресло, стоявшее подле окна, и занялась детьми. Больше всего она заинтересовалась Дуней, о которой еще вчера рассказывали ей Володя и Сережа.

– Подойди ко мне, милая! – сказала она Дуне.

Дуня подошла и потупилась.

– Ты где живешь?

– У Зазулихи... у его мамы, – поправилась Дуня, указав на Рыжика.

– Он ее спас, бабушка... – вмешался в разговор Сережа. – У него большая-большая собака есть...

– У кого?

– Да вот у него.

Сережа стащил Саньку с лошади и подвел его к бабушке.

– Это твоя сестричка? – спросила у Рыжика старуха и указала на Верочку, которая опять принялась сосать указательный палец.

– Моя.

– Родная? – удивилась бабушка.

– Родная, – уверенно подтвердил Санька.

– Странно... Она на тебя нисколько не похожа: ты... золотой, а она черная...

Бабушка засмеялась. Засмеялись и дети. В комнате стало шумно и весело. Дуня с Верой занялись куклами, а мальчики принялись в углу детской строить крепость.

День пролетел для детей как мгновение. Не успели они оглянуться, как уже наступил вечер. Сытые, счастливые и нагруженные подарками, вернулись «гости» домой.

Аксинья и Тарас ужинали, когда Рыжик со своими спутницами вбежал в хату.

– Смотрите, что мы принесли! – восторженно воскликнул Санька.

– Где мы, мама, были!.. Какие там куклы!.. – перебила Верочка.

Даже Дуня и та заговорила, но Рыжик заглушил ее своим голосом.

– Мы весь день в гостях были, – начал он рассказывать. – Я играл с панычами, а они – с куклами. Мы там кушали, чай пили... Мне еще вот что дали...

Рыжик подал матери узелок, в котором лежали штанишки, две рубашки и оловянные солдатики.

– А вот мне что бабушка дала... – запищала Верочка и, в свою очередь, подала матери узелок. В узелке оказались платица, кое-что из белья и старая кукла с одним глазом и без рук.

Дуне подарили башмаки и платок на голову. Кроме того, ей на завтра обещаны были еще какие-то вещи.

– Ну, что ты на это скажешь? – обратилась к мужу Аксинья.

– Что я скажу?... Люди, видать, неплохие... Боюсь только, как бы наш висельник не нашкодил бы там...

– Слышишь, Саша, что отец говорит? – сказала Аксинья, обращаясь к Рыжику. – Смотри, ежели ты у господ дозволишь себе нехорошее что сделать!.. Ты уже не маленький: десятый год тебе идет; ты уже должен за Верочкой смотреть, чтобы она что-нибудь не наделала...

– Пусть только посмеет... Я ей тогда – во...

Рыжик показал кулак.

– Вот видишь, какой он славный: при нас кулаки кажет, – заметил Аксинье Тарас, – а уж там наверное в драку полезет.

– Нет, не полезу, – серьезно заметил Санька, – там драться нельзя... Завтра мы опять пойдем... А Дуне знаешь что бабушка сказала? Она сказала, чтобы Дуня каждый день приходила, а тетенька Маланья ее кормить будет.

– Какая Маланья? – заинтересовалась Аксинья.

– А ихняя стряпуха. Она толстая-претолстая и добрая... Я рассказал им все про Дуню и про дяденьку Андрея. Они страсть как жалели ее!.. Э, да я забыл! – вдруг спохватился Рыжик. – У меня еще вот что есть!

Он вытащил из-за пазухи небольшую книжонку с картинками и подал ее матери.

– Что это?

– Это азбука. По ней учатся читать. Здесь написано: бра, вра, гра... Мне Володя показывал... Мы и завтра учиться будем.

Книжкой заинтересовался и Тарас.

Он подошел к свету и с любопытством стал ее перелистывать своими толстыми, обожженными лаком пальцами.

Рыжик долго еще рассказывал матери про панычей, про их дом и про их богатство. По его словам выходило, что живут они как цари. Верочка тоже долго не могла успокоиться и все

о чем-то рассказывала на своем малопонятном детском языке. Даже Дуня, вечно молчаливая и грустная, на этот раз без умолку болтала, делясь своими впечатлениями.

– Ну, дети, будет!.. Еще завтра день есть – наговориться успеете. А теперь пора спать, – сказала Акси́нья и пошла стлать постели.

Наступил вечер. На темном небе затеплились звезды. В хате Зазулей было темно и тихо. Там спали мирным сном. Один только Санька не спал. Он лежал с открытыми глазами и мечтал о себе, о панычах и о многом другом. Знакомство с панычами сильно повлияло на его впечатлительную натуру. Он только теперь увидал, как живут господа и как их жизнь разнится от жизни обывателей Голодаевки. «Почему не все люди так живут? Почему не все дети – панычи?» – спрашивал себя Санька и не находил ответа. От панычей мысль мальчика перескочила на Мойпеса. Он вспомнил, что из-за господ он сегодня за весь день ни разу не приласкал пса, и ему сделалось совестно. «Ну ладно, зато завтра непременно возьму его с собой», – решил про себя Санька и с этой мыслью уснул покойным, крепким сном.

Глава VII

Рыжик узнаёт о своем происхождении

В мае паньчи уехали в деревню на все лето, и Рыжик снова очутился на улице, среди старых приятелей. Дуня совсем переселилась в господский дом. Ее окончательно приютила там кухарка Маланья, женщина добрая и очень любившая детей.

Санька, по обыкновению, лето проводил вне дома. По целым дням он где-то пропадал с мальчишками, а когда в садах созрели фрукты, его можно было найти дома только рано утром или поздно вечером. Тарас ругался, выходил из себя, наказывал его, но ничто не помогало. Так продолжалось до конца августа. Однажды Санька вернулся домой позже обыкновенного. Двери уже были закрыты и огонь в доме потушен. Там, по-видимому, уже спали. Рыжик подошел к дверям и остановился, боясь постучаться. На улице было тихо и безлюдно. Из-за рощи осторожно, будто вор, поднимался месяц. Рыжик видел, как потом луна повисла над рощей и как от нее на темную поверхность реки упал светлый трепещущий столб. «Уже ночь!» – мысленно воскликнул Рыжик, и ему сделалось жутко. В это время из узенького переулочка выбежал Мойпес и с тихим визгом подбежал к маленькому хозяину. Рыжик несколько раз провел по мягкой спине преданного пса и тут же приказал собаке уйти на место, то есть в сарай.

Санька остался один. Ему предстояло одно из двух: или ночевать на улице, или постучаться и этим разозлить отца. После долгого размышления Санька решил на последнее и робко стукнул в дверь. Никто не отозвался. Тогда Рыжик слегка налег плечом на дверь, и вдруг дверь неожиданно распахнулась, и Санька кубарем влетел в сени. Оказалось, она была не закрыта. По всей вероятности, Аксинья в темноте неверно набросила крючок, а может быть, она нарочно оставила дверь открытой, зная, что скоро должен явиться Санька.

Как бы то ни было, а Рыжик воспользовался благоприятным обстоятельством и юркнул в мастерскую. Там, чтобы никого не беспокоить, он полез под верстак и улегся комочком на стружках.

Измученный и усталый за весь день, Рыжик, наверно, уснул бы немедленно, если бы до его слуха из другой комнаты не донесся разговор. Разговаривали его отец и мать. Разговор шел о нем, о Рыжике. Мальчик при-таил дыхание и стал прислушиваться.

– Это ты так потому говоришь, – раздался тихий голос Аксиньи, – что мальчик нам не родной... Только я тебе, Тарас, вот что скажу: грешно обижать сироту. Он нас за родителей почитает, любит нас, и мы, стало быть, должны к нему как к родному дитю быть...

– Постой, Аксинья, – послышался басистый голос Тараса, – да я разве худое мальчику желаю?... Я хочу, чтобы он человеком был... Отдадим его куму Ивану в ученье, и Санька потом еще спасибо скажет нам, потому сапожник завсегда кусок хлеба заработает.

– И не грешно тебе это говорить? Ведь ему еще десяти годов нету, а ты уже его в ученье... Небось ежели б он был тебе родной, ты бы этак не стал делать...

– Ан стал бы! – с легким раздражением в голосе перебил Аксинью Тарас. – Стал бы потому, что самим жрать нечего. Когда мы его взяли, у нас своих ребят не было, а теперича, сама знаешь, сколько у нас ртов...

– А ты не пьянствуй! – спохватилась Аксинья. – Тогда на всех хватит... А то день работаешь, а неделю гуляешь...

После этих слов Тарас не счел нужным отвечать, и разговор прекратился. Спустя немного супруги уснули. В хате стало совсем тихо.

У Рыжика и сон пропал. То, что он сейчас услышал, до того его поразило, что ему уже было не до сна. Никогда еще его голова так сильно не работала, как теперь. Сначала он даже не мог понять, что, собственно, случилось, но потом, когда он сообразил, в чем дело, ему сделалось до того скверно, что он чуть было не закричал во весь голос.

На другой день, лишь только занялась заря, Рыжик уже был на ногах. Аксинья успела уже открыть ставни, а Тарас возился на чердаке с досками. Верочка и Катя еще спали.

– Мама, а мама! – пристал Рыжик к матери.

– Чего тебе? – недовольным тоном проворчала Аксинья.

– Мама, я вам не родной? – спросил Рыжик и заглянул Аксинье в лицо.

Вопрос был предложен так неожиданно, что Аксинья растерялась и не знала, что ответить.

– Мама, маменька, я, значит, не родной вам? Да?..

– Ты глупости говоришь... Отстань, мне некогда... – проговорила Аксинья и отвернулась от мальчика.

– Нет, мама, я все слышал... Я... вам не родной... Мама, чей же я?

На глаза Рыжика навернулись слезы. Он еще не плакал, но по вздрагивающему подбородку легко можно было догадаться, что мальчик сейчас разрыдается. Аксинье стало жаль его.

– Ты об этом, голубчик, не думай! – ласково сказала она и провела рукой по золотым кудрям Саньки. – Все люди, – продолжала она, – между собою родные...

Не успела она кончить, как долго сдерживаемые рыдания вырвались наружу. Рыжик упал на лавку и горько заплакал. Все его тело вздрагивало от рыданий.

Аксинья бросилась к нему и стала горячо его утешать.

– Ну, будет! Ну, перестань! – говорила она. – Мы тебя любим... Разве я тебе не как родная? Ведь ты на моих руках вырос!.. Ну, будет!.. Ты для меня все едино, что Верочка.

Рыжик не переставал плакать. Он не слышал и не понимал, о чем говорит Аксинья.

В хату вошел Тарас.

– Это еще что за новости? – воскликнул он, увидав плачущего Саньку.

Тарас не на шутку был удивлен, потому что Рыжик никогда почти не плакал. Аксинья взглядом оборвала мужа, и тот мгновенно умолк. Рыдания мальчика становились тише. Через час он сидел у окна и думал свою горькую думу.

«Чей я?» – мысленно спрашивал он себя и не находил ответа. Горе сразу как-то преобразило мальчика. Он сделался серьезным, задумчивым и молчаливым. Мальчишки, сады, игры, шалости – все это мгновенно вылетело из головы. Ему теперь уже было не до игр и не до шалостей. Он теперь был занят более важным вопросом.

Чей он – вот что ему нужно было узнать.

Солнце высоко поднялось над рекой, когда Рыжик вышел на улицу. Никогда он еще не выходил из дому таким тихим, таким скромным. Обыкновенно его «выход» сопровождался резким и тонким свистом, который он производил двумя пальцами, положив их в рот, под язык. Мойпес отвечал на свист громким лаем, и на улице поднималась суматоха: куры и кошки в смертельном страхе мчались во все стороны, прячась от врагов, а соседки говорили:

– Проснулся уже, рыжий чертенок!

Сегодня Рыжик вышел на улицу тихо и молчаливо. Вид у него был такой, точно его сейчас высекли. Он шел с низко опущенной головой и грыз ногти. Мойпес, давно уже ожидавший появления хозяина, с радостным визгом бросился ему навстречу, но Санька одним жестом руки умерил собачий восторг, и Мойпес поплелся позади, тихо повиливая хвостом.

Мальчик все еще находился под влиянием своего горя и чувствовал себя прескверно. От сильных волнений у него заболела голова, мысли спутались, и он ни о чем не мог думать. На улицу он вышел без цели, без желаний. С товарищами он боялся встретиться: ему теперь стыдно было им в глаза смотреть. Рыжику казалось, что теперь он другой и что как только на него посмотрят, так сейчас же все узнают, что у него отец и мать не родные.

Чтобы избежать нежелательных встреч, Санька спустился к реке, сел у самой воды на большой плоский камень и задумался. Мойпес также подошел к воде, поплакал немного, вытер

языком нос, поворчал на собственную тень, что дрожала на светлой поверхности реки, и уселся рядом с хозяином.

Рыжик стал припоминать все обиды и огорчения, нанесенные ему когда-либо его родителями. Отец всегда с ним дурно обращался, а когда наказывал, то наказывал больно. И все это потому, что отец он был не родной. Мать, конечно, лучше обращалась, но все-таки она Верочку больше любит. Тут Санька вспомнил, как третьего дня мать делила сладкий пирог и Верочке отдала самый большой и вкусный кусок. Воспоминание о пироге подняло целую бурю в сердце Рыжика.

«И всегда она так: Верке всё, а мне ничего», – говорил самому себе Санька, и злоба против тех, кого он привык считать за родителей, закипала в его груди.

– Санька, ты что там делаешь? – вдруг услышал Рыжик.

Он поднял голову и увидел на краю обрыва Ваську Дулю, одного из своих уличных приятелей.

– Мы тебя ждем: на баштаны идти надо... Слышишь, Санька? – кричал с обрыва Васька.

– Никуда я не пойду... – тихо пробормотал Рыжик и отвернулся от него.

«Выпороти!» – решил про себя Васька и убежал.

Долго сидел Рыжик на берегу и все думал об одном и том же. Наконец в полдень он поднялся на обрыв и пошел вдоль Береговой улицы. Возле хаты крестной он остановился. Как раз в ту минуту Агафья-портниха вышла за чем-то из дому и увидела Рыжика. Она сразу заметила, что с ее крестником произошло что-то неладное.

– Ты что это сегодня такой тихий? – спросила Агафья ласковым голосом.

– Мама крестная, – обратился к ней Рыжик, подняв на нее свои заплаканные глаза, – скажите мне по правде: мой отец и мама – мне не родные?

В голосе Саньки послышались слезы.

– Кто это тебе сказал? – встрепелась Агафья.

– Я слышал, папа и мама разговаривали... Меня хотят отдать к отцу крестному сапоги шить. Я чужой им... Мама крестная, скажите, чей я?.. У меня нет родной мамы?.. Я сирота, как Дуня?..

При последнем вопросе голос у мальчика прервался, и он громко, судорожно зарыдал.

– Нехорошо плакать, – утешала мальчика Агафья. – Ты ведь умный мальчик... Ну, брось, перестань!.. И о чем тут плакать?..

– Они мне не родные... – всхлипывая, протянул Санька. – Ну так что же, что не родные? Но они же любят тебя. – Нет, не любят! – выкрикнул Рыжик. – Они Верку любят... Меня крестному хотят отдать... Я ничей... Я чужой...

– Полно тебе! У родных матерей дети лучше не живут... А могла ли бы еще твоя мать прокормить тебя?

– Какая мать? – уставился на Агафью Рыжик.

– Твоя.

– А где она?

Рыжик моментально перестал плакать и весь оживился. Агафья спохватилась было, что сказала лишнее, но уже было поздно. Санька осыпал ее вопросами и настойчиво требовал на них ответа. Агафья скрепя сердце в немногих словах рассказала ему, как десять лет тому назад Акинья случайно нашла возле сарая умирающую женщину, никому не известную, как эта женщина умерла, и как она, Агафья, крохотного ребенка ее накормила грудью, и как, наконец, Зазули взяли его к себе на воспитание.

Трудно передать, какое сильное впечатление произвел рассказ Агафьи на Рыжика. Пока она говорила, он слушал ее с напряженным вниманием, а когда она кончила, он закидал ее вопросами. Ему хотелось знать: какая была его мать? какой он сам был тогда? где именно она умерла и где ее похоронили?

Удовлетворив свое любопытство, Рыжик со всех ног бросился домой. В хату он даже не заглянул, а подбежал к сараю и внимательно стал осматривать тот самый клочок земли, на котором, по его мнению, умерла его родная мать. Долго стоял он молча, потом опустился на колени и прошептал: «Мама... моя милая мама, родная мама...» И поцеловал землю. Затем он вошел в сарай, забился в самый дальний угол и беспрепятственно предался там своему горю.

Усталый, измученный и голодный, Рыжик долго плакал, вызывая в своем воображении образ родной, но – увы! – неизвестной матери, и наконец заснул рядом со своим верным другом Мойпесом.

Глава VIII

Бегство

Прошло две недели. Рыжик постепенно стал забывать о своем горе. По-прежнему стал он сходить с приятелями, по-прежнему стал бегать по улицам и забираться в чужие сады. О своем происхождении он никому ничего не говорил, и товарищи его оставались в полном неведении. Единственно, перед кем Рыжик излил свою душу, – это перед Дуней. К ней он отправился на другой день после разговора с крестной матерью и рассказал девочке о своем несчастье.

– Теперь и я сирота... – плача говорил он, стоя перед Дуней.

Девочка смотрела на своего покровителя со страхом и удивлением. Во-первых, она никогда не видала Рыжика плачущим, а во-вторых, она никак не могла понять, почему его отец и мать ему не родные.

– Ты, Дуня, смотри никому не говори, а то мальчишки как узнают, дразнить начнут... – сказал Рыжик и ушел домой.

С тех пор Дуня его долго не видала.

А Рыжик, проплакав два дня, почувствовал себя лучше и, незаметно для самого себя, становился прежним сорванцом. Опять было начались непрерывные купанья в речке, беганье по улицам с Мойпесом и многочисленной оравой мальчишек, опять было начались кражи фруктов из чужих садов, как вдруг в один прекрасный день с Рыжиком случилось новое несчастье.

Произошло это совершенно неожиданно. Подрался он как-то под вечер с приятелями и прибежал домой умыться. А дома Аксиныя бранила Тараса за то, что он пропил последний четвертак, на который она рассчитывала купить муки для хлеба. Тарас и кум его Иван сидели на верстаке и, казалось, внимательно прислушивались к злобным причитаньям Аксиныи, стоявшей у печки и бессознательно ковырявшей ухватом земляной пол. За печкой, притаив дыхание, сидела Верочка. Аксиныя горькими упреками и бранью думала облегчить свое горе и поэтому не скупилась на слова. Тарас, зная по опыту, как трудно заставить жену замолчать, когда она намерена высказаться до конца, безмолвно и покорно внимал голосу Аксиныи и только изредка кидал на кума тоскливые взгляды, как бы спрашивая его: «Слышишь, брат?», на что кум каждый раз отвечал тихим вздохом – дескать, слышу.

И вот в такую-то злую минуту явился Рыжик. На нем, что называется, лица не было. Серая рубашка была изорвана в клочки, щеки исцарапаны, а из разбитого носа сочилась кровь.

– Кто это тебя так? – воскликнула Аксиныя, увидав Саньку.

Рыжик молчал и, видимо, употреблял все усилия, чтобы не расплакаться.

– А вот мы сейчас узнаем, где он был и с кем воевал, – проговорил Тарас и соскочил с верстака.

В душе Зазуля не чувствовал к мальчику никакого озлобления. Напротив, он даже обрадовался появлению Рыжика, положившему конец красноречию Аксиныи; но тем не менее Тарас счел нужным схватить аршин и соорудить такую сердитую физиономию, что Верочка, выглянув из-за печки, задрожала вся от страха.

– Говори сейчас, где был? Ну?.. – грозно закричал Тарас, приблизившись к Саньке.

У того и сердце биться перестало.

– Где был, спрашиваю! – повторил Зазуля и сверкнул глазами.

– На улице... – тихо и с трудом ответил Рыжик.

– Где, говоришь ты?

– На улице.

– На улице? А нос кто тебе разбил?

– Митька да Харлампий.

– За что?

– Не знаю.

– Так-таки не знаешь?

Рыжик опустил голову и молчал.

– Иван, – вдруг обратился Тарас к куму, – будь отцом родным, яви такую милость и возьми ты у меня этого каторжника!.. Сделай из него человека, и я век тебе буду благодарен.

В голосе Зазули слышалась такая искренняя мольба, что Иван поспешил сейчас же изъяснить свое согласие.

На другой день Рыжик, умытый и одетый в новую рубашку, сидел у крестного отца на низеньком круглом стульчике с кожаным сиденьем и весь отдался невеселым думам. Обеденное время давно уже прошло, а Рыжик ничего еще не ел. В хате сапожника, помимо Саньки, не было ни одной живой души. Иван привел крестника и, передав его жене со словами: «Вот тебе, Катерина, помощник!» – ушел на базар за товаром.

– Хороший мальчик, нечего сказать... Тыфу!.. – приветствовала Саньку Катерина, мельком взглянув на его исцарапанное лицо. Потом она повозилась немного у печки и также ушла.

Рыжик остался один.

С каждой минутой ему становилось грустней и обидней. От нечего делать он стал осматривать внутренность комнаты, в которой он раньше редко бывал, так как у сапожника детей не было.

Мало обрадовала мальчугана обстановка сапожной мастерской. Куча инструментов на низеньком столике, обрезки кожи, крошечное оконце и затхлый, сырой воздух удручающим образом подействовали на Рыжика, и он, недолго думая, решил бежать. Куда – этого он еще и сам не знал. Одно только было для него ясно – что домой ему идти нельзя.

«Я всем теперь чужой, а потому и делать мне здесь нечего», – решил про себя Рыжик.

Поднявшись со стульчика, на котором он сидел, Санька подошел к дверям, тихо открыл их, высунул голову и, убедившись, что Катерины нет вблизи, быстро выбежал из хаты и моментально скрылся из виду.

Рыжик бежал без оглядки. Страх придавал ему бодрость и прыть. Ему казалось, что за ним гонится весь город и что вот-вот его поймают и засекут до смерти. У Саньки от этой мысли сердце замирало в груди, и он с каждой минутой усиливал свой бег. Отбежав порядочное расстояние, беглец остановился и, убедившись, что за ним никто не гонится, вздохнул с облегчением. От быстрого бега у него закололо в бок и весь он обливался горячим потом. Рыжик постоял немного, вытер подолом рубашки лицо и тихим шагом поплелся дальше.

Голодный и усталый, Санька еле передвигал ноги. Время между тем близилось к вечеру. В воздухе повеяло прохладой. В глубокой прозрачной синеве, весело щебеча, ныряли неугомонные ласточки. Окруженное со всех сторон легкими пурпурными тучками, солнце медленно склонялось к западу. Вскоре пламя заката широким пологом покрыло небосклон.

Санька остановился в нерешительности. Налево от него тянулся длинный ряд низеньких плетней загородных садов и баштанов, впереди широкой темной лентой легла дорога за город, а направо серебрилась поверхность сонной реки. Беглецу эта местность была хорошо знакома. Здесь он делал свои опустошительные набеги на сады и баштаны, сюда он бежал купаться, и здесь он добывал для матери красную глину. Вот он и теперь стоит недалеко от той самой ямы, из которой он вместе с Дуней перед Пасхой доставал глину. Но в настоящую минуту не до садов и не до глины. Влажными глазами глядит он на реку, на поверхности которой волшебными красками играет отблеск вечерней зари. Ему грустно и страшно.

Вон уж и солнце скрылось, и небо потемнело. Близок вечер.

Постепенно замирают шумные отголоски дня. Вот уж и звезды выпали из синей глубины потемневшего неба. Стало тихо. Малейший шорох, малейший звук отдаются с необык-

новенной отчетливостью. Река дремлет. Изредка плеснет рыбка, сверкнет серебряной чешуей, и мягкие круги, точно стальные обручи, помчатся к берегу, бесшумно исчезая на пути. Где-то близко по воздуху ударила крыльями летучая мышь... Ко всем звукам Рыжик прислушивается с замиранием сердца, и ему не на шутку становится страшно.

– Артикул! – вдруг среди мертвой тишины раздался чей-то хриплый голос.

От неожиданности Санька вздрогнул и быстро обернулся. В трех шагах от него на большом сером камне сидел Андрей-воин. Старик, по обыкновению, был навеселе, что, однако, не помешало ему сейчас же узнать приятеля, с которым он давно уже помирился.

– Артикул! – снова прокричал солдат.

Но Санька и не думал встать во фронт: ему было не до того. Безрукого это обстоятельство даже немного удивило. Закуривая трубку, он протянул зажженную спичку к лицу мальчика.

– Эге, брат, да ты, никак, контужен? – воскликнул инвалид, заметив глубокие царапины на лице мальчика. – Ты это с кем воевал?

– С мальчишками на берегу, – не без некоторой гордости ответил Рыжик, не считая нужным скрывать истину.

– Враг был силен? – продолжал свой допрос старик.

– Еще как!

– Эге, молодец! Славный будешь вояка!.. А диспозицию какую ты выбрал?

На это Санька не мог ответить, так как не понял вопроса.

– Н-да, братец, – после некоторого молчания снова заговорил солдат, – война – это великая штука... Такой, к примеру, войны, как севастопольская, не было и не будет, потому теперь не тот солдат пошел... Героев нет, н-да-с... Одиннадцать, братец, месяцев враг Севастополь брал, а шиш получил, потому герои были. Сидим это мы, бывало, в траншее аль по Малахову кургану разгуливаем, а гранаты да пули так и свистят, так и свистят кругом... А мы себе знай прогуливаемся да англичан и французов поддразниваем... Да-с, братец...

– Дяденька, а хлеб где вы доставали тогда? – спросил Рыжик, у которого за весь день крошки во рту не было.

– У нас хлеба не было, а были сухари. – Дяденька, а страшно быть на войне?

Безрукий, прежде чем ответить, поднял с камня свой картуз, накрыл им лысую голову и, поднявшись с места, промолвил:

– Бабам страшно, а солдату не страшно.

– Дяденька, я пойду с вами...

– А ты куда, домой? – покосился на него безрукий.

Санька молчал, не решаясь сказать всю правду. Вдруг его зоркие глаза увидели Тараса и Ивана Чумаченко, которые шли из города им навстречу. Мальчуган в испуге шарахнулся в сторону и через минуту стоял уже на краю ямы, в которую недолго думая прыгнул, скрывшись из виду.

– Солдат, братец, войны не боится, – продолжал между тем безрукий, не заметив исчезновения своего собеседника. – Для солдата война все едино, что бал аль свадьба, потому, черт возьми, весело... Трубы трубят, барабаны бьют наступление, пули свистят, а ты себе штыком работаешь, и горюшка мало... Конечно, бывает, что и враг силен! Да только супротив России идти ему не под стать, потому сильнее нет русского солдата... Ты еще, к примеру, щенок, можно сказать, и настоящего понятия о войне не имеешь...

Но тут Андрей-воин неожиданно столкнулся с Тарасом и Иваном, шедшими туда, откуда возвращался солдат, то есть на постоянный двор, и умолк.

Постоянный двор находился на самом краю города и служил первой и последней станицей для приезжающих и отъезжающих крестьян окрест лежащих деревень. Зазуля и Чумаченко ходили в этот шинок только тогда, когда им надо было подальше спрятаться от своих сварливых жен.

– С каким это чертом ты беседу ведешь? – смеясь, спросил у Андрея Тарас.

– Не с чертом, а с парнем твоим беседую я, – ответил безрукий.

При этом ответе Зазуля и Иван значительно переглянулись, словно говорили друг другу: «Изрядно, должно быть, клюнул старик», и оба прыснули со смеху.

– Вы чего ржете? – рассердился было Андрей, но, оглянувшись и увидав, что Рыжика нет возле него, он растерянно посмотрел на Ивана, потом на Тараса и упавшим голосом проговорил: – Он со мною сейчас рядом шел, провалиться – не вру...

– Кто шел? – спросил Тарас.

– Да Санька твой.

– Санька?! – воскликнул Тарас и вопросительно посмотрел на кума.

Но кум ничего ему не мог на это сказать, так как он сам весь день не был дома и ничего не знал о бегстве крестника.

– А может, ты с водкой беседовал, а не с Санькой? – полушутя-полусерьезно стал допытываться Тарас.

Безрукого этот вопрос обидел настолько, что, не ответив, он энергично плюнул и быстро зашагал вперед. Кумовья посмотрели ему вслед, покачали головами и направились дальше, будучи уверены, что солдат допился до зеленого змия.

А Рыжик лежал в яме и затаив дыхание прислушивался к тому, что делалось там, наверху. Яма, в которой лежал Санька, была довольно обширных размеров. Когда-то мужики добывали здесь глину для построек, но впоследствии, когда глубоко вырытая пещера после обильных дождей стала во многих местах обваливаться, они из опасения быть задавленными бросили это место и перешли на другое. Но женщины и дети все еще продолжали по краям ямы выкапывать глину для домашних надобностей. Один только Рыжик не боялся проникать в самую глубь пещеры. Он неоднократно прятал в ней выигранные от товарищей бабки, пуговицы, крючки и конские хвосты для лесок.

Забившись в самую глубь ямы, Санька пролежал с четверть часа, боясь шевельнуться. Вскоре, однако, холод и сырость вынудили его подняться в верхнее отделение пещеры, где было несравненно теплее и суше. Здесь он решил подождать возвращения отца и Ивана, а потом... потом он и сам не знал, куда пойдет. Но пока что он сгреб руками небольшую кучку песка и глины, накрыл ее картузом и улегся, положив голову на подушку собственного изобретения. Долго лежал Санька с открытыми глазами, прислушиваясь к малейшему шороху, как вдруг над ямой мелькнула какая-то тень и громкий лай собаки нарушил ночную тишину. Рыжик сразу же узнал своего верного пса Мойпеса, который, должно быть, весь день разыскивал хозяина по всему городу.

– Мойпеска, голубчик, милый!.. – зашептал он в сильной радости, не зная, как приветствовать дорогого друга.

Отрывистым и громким лаем ответил на приветствие хозяина Мойпес и энергично завилял черным пушистым хвостом.

– Мойпеска, я есть хочу, мне холодно... – стал жаловаться Рыжик.

Тут собака еще громче залаяла, улегшись на самый край ямы. Лай Мойпеса сильно обеспокоил мальчика. Он совершенно справедливо рассудил, что лай этот легко может привлечь прохожих.

– Цыц, Мойпес, цыц, цыц! – сначала мягко, а потом построже обратился Санька к собаке.

Пес смекнул, в чем дело, и немедленно прекратил свой лай. Но зато через минуту он поднял морду вверх и, не спуская глаз с луны, так жалобно и протяжно завыл, что многие обыватели, до слуха которых долетал этот вой, осеняли себя крестом, будучи уверены, что собака воет по покойнику.

Рыжик пробовал и лаской, и угрозами заставить Мойпеса замолчать, но это ему не удалось. Собака по-прежнему смотрела на луну и выла до тех пор, пока измученный, усталый и голодный беглец не заснул под эту собачью колыбельную песню.

Первой узнала о бегстве Саньки Катерина. Придя домой и заметив отсутствие своего «помощника», как назвал мальчика Иван, Катерина со свойственной ей флегматичностью низко согнула худую, долговязую фигуру, заглянула под кровать и, убедившись, что и там «помощника» нет, принялась за свои домашние дела. Только к вечеру Катерина вспомнила о другом, более важном беглеце – о муже, который ушел за товаром и забыл вернуться домой.

– Чтоб ему ни дна, ни покрыва, пьянице окаянному! – выругала она заочно мужа и собралась к Зазулям, где надеялась найти пропавшего супруга. О Рыжике она совсем забыла.

Странная какая-то женщина была эта Катерина. Худая, как скелет, с длинными костлявыми руками и ногами, она всюду вносила тоску и мертвящую скуку. Самое веселое общество при ее появлении немедленно впадало в уныние, словно в комнату вносили покойника.

Недаром Иван называл свою благоверную «холерой тридцатого года»; но в то же время он не на шутку ее побаивался.

– Добрый вечер! – монотонным голосом произнесла Катерина, войдя в хату Зазулей.

– Вечер добрый! – послышался за печкой голос Аксины.

– А я к вам... – протянула гостя, став у дверей. – Нет ли у вас моего лодыря?

– Был он у нас, да ушел, да и моего куда-то утащил, – ответила Аксины и вышла на середину хаты. – Ну, как мой Санька устроился? Плачет? А? – спросила Аксины.

– Санька? Да его нет у нас.

– Как – нет у вас? Ведь кум Иван взял его в ученье и повел к себе.

– Ну так что же, что повел? А он взял да удрал. Посидел-посидел, а как вышла я из хаты, так и его не стало.

– Ах, боже мой! Где же он? – обеспокоилась Аксины. – Ребенок весь день не ел, отец с кумом, по дурости своей, напугали мальчика...

Не успела Аксины кончить, как в хату вошел Тарас, а вслед за ним, трусливо ежась, плелся Иван.

– Эй, жинка, засвети огонь! – гаркнул с порога Тарас и, обернувшись к куму, добавил шутливым тоном: – Ползи, кум, и не бойся: Катерины твоей нет здесь.

Но едва он это сказал, как длинная, сухопарая Катерина быстро отделилась от стены и набросилась на мужа. Тарас ахнул от изумленья и развел руками. Затем очередь настала за Аксиной. Она принялась, по обыкновению, причитывать, осыпая мужа самыми горькими упреками.

– Душегуб ты окаанный! – рыдая, выкрикивала Аксины. – Сгубил ты меня, по миру пустишь ты, Мазепа безбожный, семью свою... Приемыша погубил... Говори, басурман, где Санька? Где Санька, пьяница ты этакий?... – все сильнее и настойчивей приставала она к мужу.

Тарас стоял, насупившись, ожидая, когда жена наконец сделает передышку и он получит возможность вставить и свое слово. Но резкий и громкий голос Аксины не умолкал. Не переставала кричать и Катерина. Можно было подумать, что обе женщины об заклад побились, кто кого перекричит: так долго и старательно они бранились. У Ивана и Тараса от столь любезной встречи жен даже хмель стал проходить. Оба они, громадные и неуклюжие, стояли с опущенными головами и, казалось, готовы были при малейшем удобном случае шмыгнуть вон из хаты.

– Тише, бабы, говорю вам! – вдруг закричал на женщин Тарас и стал к чему-то прислушиваться.

Женщины как-то машинально замолкли, и в хате наступила тишина. В это время под окном завыл Мойпес. Собака убаюкала маленького хозяина и пришла выть домой. Трудно передать впечатление, какое произвел собачий вой на находившихся в хате; даже мужчины сочли нужным плюнуть три раза, а о женщинах и говорить нечего.

– Вот до чего докричались вы! – заговорил Тарас, обращаясь к своей и Ивановой жене. – До собачьего воя докричались...

Глава IX

В яме

На другой день, на рассвете, Рыжика разбудил все тот же Мойпес, который, по-видимому, никак не мог примириться с необыкновенным положением вещей.

Ему, преданному псу, приходилось видеть своего маленького хозяина в самых разнообразных положениях: не раз видел он своего друга лежащим на верстаке, когда отец его наказывал; видел он Рыжика и сидящим на деревьях, ворующим яблоки или вишни; чувствовал он не раз его у себя на спине, когда проказнику приходила фантазия «погарцевать» на собаке по улицам города; и не раз приходилось ему со своим хозяином разделять ложе в темных сенях. Но в глубокой глиняной пещере Мойпес впервые увидел Саньку, и это его крайне обеспокоило, тем более что хозяин, несмотря на его отчаянный вой, и не думал вылезать из ямы. Всю ночь Мойпес глаз не смыкал. Пока светила луна, пес знал, что ему надо делать: сидя на задних лапах, он до глубокой ночи не переставал выть на нее, спокойно и горделиво плывшую по звездному небу; но с исчезновением луны Мойпес совершенно потерял голову и с жалобным визгом раз двадцать бегал от ямы домой и обратно.

Только на рассвете Санька проснулся, и радости собаки не было конца.

Совсем иначе почувствовал себя Рыжик. Сначала он было вообразил себя заживо похороненным и не на шутку струсил, но лохматая морда Мойпеса вывела его из заблуждения, и он ясно вспомнил все вчерашние происшествия. От этих воспоминаний ему ничуть не стало легче. Мысль о том, что его все забыли, что им никто не интересуется, болезненно сжала сердце Рыжика.

– Мойпеска, голубчик! – обратился он к визжавшей наверху собаке. – Ты один меня любишь, больше никто, никто меня не любит... Я ничей... – На ресницах мальчика блеснули слезы.

– Мойпеска, у меня нога болит, – поспешил он поделиться горем со своим четвероногим приятелем; но того уже и след простыл.

Исчезновение Мойпеса окончательно удручило мальчика.

Из-за реки между тем поднялось солнце и рассыпало вокруг горячие лучи. Одни из них попали в яму и быстро стали согревать Рыжика. Почувствовав тепло, он поднялся на ноги, надел картуз и хотел было выпрыгнуть из пещеры, но не тут-то было: после недавно случившегося обвала стены ее сделались до того отвесны, что без посторонней помощи и взрослому человеку нельзя было бы из нее выбраться. По этой самой причине и Мойпес, при всей его преданности, не решался прыгнуть в яму, понимая, должно быть, что из нее не скоро выкарабкаешься. Несколько раз Рыжик подпрыгивал вверх, намереваясь ухватиться за край ямы, но все попытки ни к чему не привели: яма была для роста мальчика непомерно глубока. Окончательно обессилив, Санька совершенно растерялся. Еще минута – и он бы, наверно, принялся кричать и звать на помощь; но в это время снова показалась лохматая голова собаки. На этот раз собака прибежала не одна, а вместе с нею явилась и Дуня, которую Мойпес чуть не насильно притащил к яме.

Наклонившись и увидав на дне пещеры Саньку, Дуня разинула рот.

– Ты здесь, Санька? А мы тебя ищем, ищем!.. И мама твоя тебя ищет, и я тебя искала, искала... Что ты тут делаешь?

– Я здесь ночевал.

– Ночевал?! И тебе не было страшно?

– Это бабам страшно, а нам, мужчинам, не страшно, – машинально повторил Санька слова Андрея-воина. – Принеси мне хлеба, я есть хочу, – вдруг добавил он, переменяя тон.

– Да ты вылезай скорей, и пойдем домой. Вылезай скорей!..

– Не могу: яма глубока... Беги-ка ты лучше домой, принеси мне хлеба. Да смотри никому не говори, что меня нашла, а то узнают и убьют меня. А ежели встретишь Ваську Дулю, скажи ему, что я в яме ночевал и зову его к себе. Ну, беги!

Дуня с Мойпесом убежали. Санька снова остался один. Но теперь он чувствовал себя гораздо лучше, так как был уверен, что Дуня и товарищи его не оставят в беде.

Через час вся детвора на Голодаевке узнала о геройском побеге Рыжика и о его ночлеге в яме. Каждый из мальчуганов считал своим долгом навестить беглеца и хоть одним глазком взглянуть на отважного товарища. Благодаря последнему обстоятельству, вскоре после того как Дуня убежала, Санька, или, вернее говоря, яма, в которой он находился, со всех сторон была окружена мальчишками. Все они напереерыв спешили приветствовать «героя», причем вслух выражали свое удивление по поводу его смелого поступка. Больше всего мальчишек поражало то, что Санька не страшился один провести целую ночь в яме. Уважение к беглецу возросло до таких размеров, что, когда Павлуша Жаба осмелился сказать, что и он не побоялся бы сделать то же, что и Рыжик, мальчишки готовы были избить его как хвастуна, дерзнувшего сравнить себя с таким «героем», как Санька.

Сам Рыжик, хотя и находился на дне глубокой ямы, тем не менее чувствовал себя с приходом товарищей превосходно. С каждой новой похвалой, с каждым новым приветствием мальчуган вырастал в своих собственных глазах.

Первым явился к нему Васька Дуля.

Встреча друзей была поистине трогательна.

Васька, девятилетний мальчик, коренастый и плотный, со стогом нерасчесанных волос на голове, в первый момент готов был прыгнуть к товарищу в яму, но Санька остановил его.

– Не прыгай, Васька, ногу сломаешь, – предупредил он товарища и обратился с вопросом, откуда он узнал о нем.

– Мне Дунька сказала, она побежала за хлебом. Ты есть хочешь?

– Страшно хочу.

– Ну, подожди немного: Дунька принесет, а я побегу за ребятами.

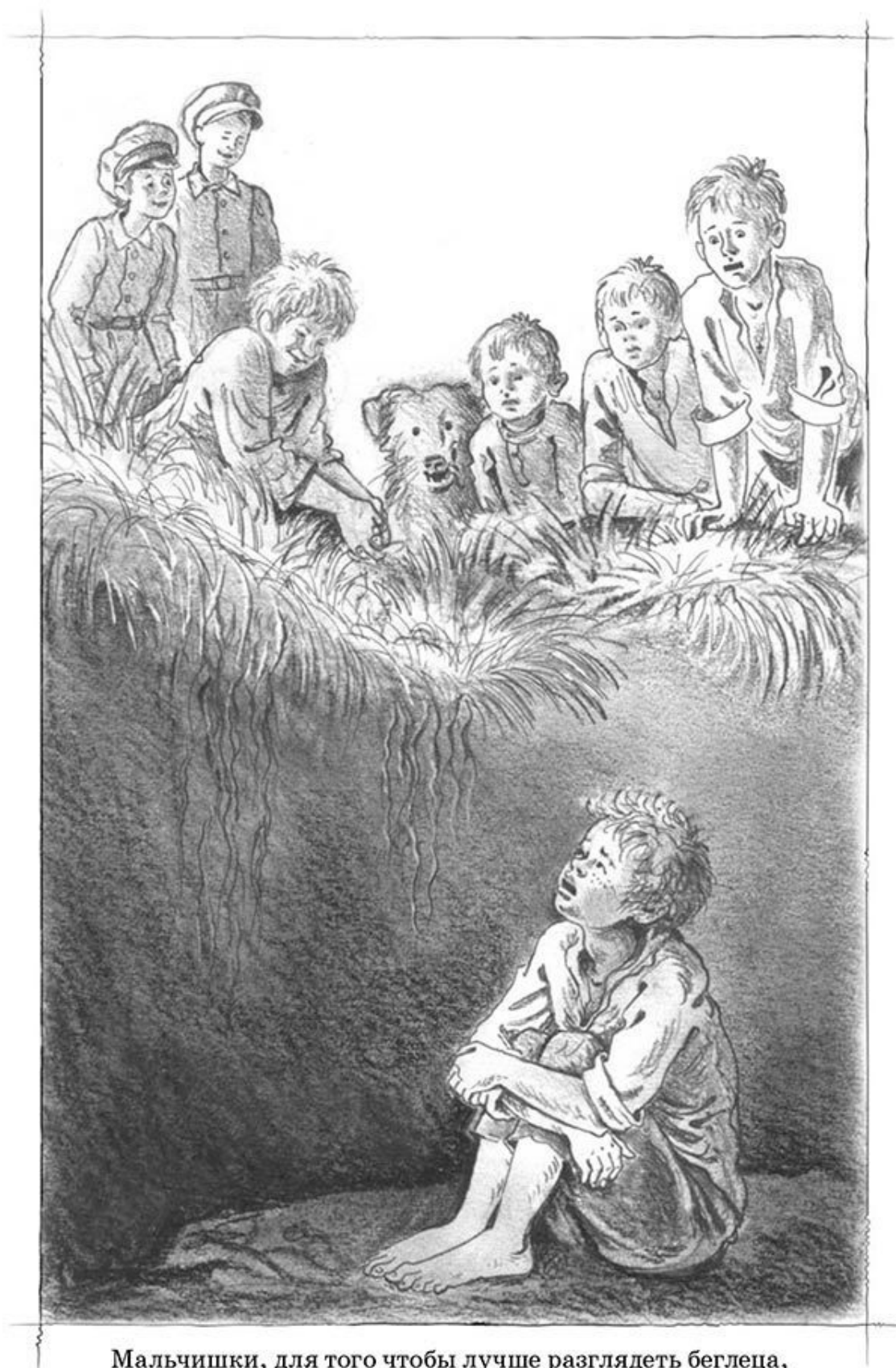
С этими словами Васька убежал, а через полчаса вернулся в сопровождении многочисленной оравы детей.

– Рыжик, здравствуй!

– Неужто ты здесь ночевал?

– А ведьмы к тебе не приходили?

– Тебе не было страшно?

Мальчишки, для того чтобы лучше разглядеть беглеца,
улеглись на животах вокруг ямы.

Мальчишки, для того чтобы лучше разглядеть беглеца, улеглись на животах вокруг ямы, причем головы их находились над самым ее отверстием.

– Панычи идут, панычи идут! – крикнул кто-то, и детвора на минуту примолкла, а Рыжик, сидя в яме, снял с головы картуз и приосанился.

Володя и Сережа только накануне приехали из деревни. Узнав о смелом побеге Рыжика, они не вытерпели и, уверив гувернантку, что идут в сад, бросились бежать к яме.

Мальчишки из уважения к панычам теснее придвинулись друг к другу и дали им место.

Панычи, как и всегда, были одеты в красивые, изящные костюмчики, резко выделявшиеся среди грязных серых рубашонок и штанишек прочей детворы. На обоих были одинаковые матросские шапочки с черными ленточками. На каждой ленточке золотыми буквами значилось имя владельца шапочки.

– Рыжик, правда, что ты в этой яме ночевал? – обратился к Саньке Володя, и на бледном лице мальчика появилось выражение любопытства и удивления.

– Правда, – твердым голосом ответил Санька.

– И ты не боялся?

– Нет. Я ничего не боюсь.

– Вот молодец! – воскликнул Сережа. – А как ты отсюда выйдешь? – добавил он, глазами измеряя глубину ямы.

– Я отсюда не выйду, я долго-долго здесь буду: я не хочу быть сапожником, – раздался из ямы звонкий голос беглеца.

Заявление Рыжика произвело на присутствующих огромное впечатление. Даже Васька Дуля, самый отчаянный мальчуган, и тот был поражен услышанным. Несколько минут длилось молчание. Догадавшись, что своим заявлением он огорошил товарищей, Санька горделиво выпрямился и поднял голову.

– Ты, значит, все лето здесь проживешь? – снова обратился к Саньке Сережа.

– Всегда, всегда буду здесь жить, – донесся из ямы ответ.

Панычи переглянулись.

– Ты знаешь, Сережа, как мы его назовем? – обратился к брату Володя. – Робинзоном Крузо. Идет?

– Идет... Вот отлично ты придумал! – обрадовался Сережа. – Рыжик, слушай: ты знаешь, как мы тебя назовем? Робинзоном Крузо. Это Володя придумал. Робинзон Крузо – хорошее имя: он герой... Он на необитаемом острове жил один-одинешенький и с дикарями воевал...

– Кто? – перебил Рыжик.

– Да он же все, Робинзон Крузо... Так ты хочешь быть Робинзоном?

– Я кушать хочу, – раздался голос Саньки.

Этот неожиданный ответ сразу уничтожил весь геройский пыл Сережи, напомнив ему, что Рыжик – обыкновенный мальчик, а не Робинзон Крузо.

Но совсем иначе к заявлению Саньки отнесся старший брат Володя. Находясь под впечатлением только что прочитанной книги, он и из этого обстоятельства задумал устроить нечто интересное, необыкновенное.

– Он прав, что есть хочет, – тихо проговорил Володя, обращаясь к брату, – и Робинзон тоже есть хотел. Вот мы сейчас отправимся домой, раздобудем провизии и спустим ее нашему Робинзону в яму.

– Вот отлично! – по обыкновению восторженно подхватил Сережа и, еще раз нагнувшись над ямой, прокричал, войдя совершенно в роль: – Робинзон, ты слышишь? Мы сейчас спустим тебе провизию...

– Мне не надо провизии, я хлеба хочу, – энергично запротестовал Санька, не поняв, что такое означает слово «провизия».

Володя принялся было объяснять беглецу, что провизия – вещь съедобная, но в это время кто-то из ребятишек крикнул:

– Братцы, его папа и мама сюда идут!.. – и в одно мгновение около ямы никого не стало.

У Саньки сердце замерло от страха.

Как испуганный кролик, он забился в самую глубь пещеры и в сильном волнении стал ожидать дальнейших событий.

К яме между тем скорыми шагами приближались Зазули и Иван Чумаченко. Впереди бежала Дуня с Мойпесом. Девочка, по настоянию Маланьи, к которой она побежала за хлебом, рассказала все Аксинье, причем со слезами на глазах умоляла не бить Саньку за то, что он ночевал в яме.

Просьба девочки оказалась излишней: все были до того рады, что мальчик нашелся, что никому и в голову не приходило его наказывать. Даже сам Тарас, подойдя к яме, заговорил с Рыжиком в самом миролюбивом тоне:

– Ай, Санька-Санька, как тебе не стыдно беспокоить нас!.. Мы думали, что ты в речке утонул. Нехорошо, нехорошо!.. Вылезай-ка скорей из ямы!

Рыжик внимательно прислушивался к голосу Тараса, стараясь угадать, правду ли он говорит или же просто хочет выманить его из ямы, а потом приступить к порке. Но тут в дело вмешалась Аксинья, и Рыжик немного успокоился.

– Выходи, Санечка, выходи, мы тебя не тронем! Небось кушать хочешь? Ну, выходи же, голубчик!..

Ласковые, полные любви и жалости слова Аксиньи самым успокоительным образом подействовали на беглеца, и он, поднявшись на ноги, объяснил, что не может вылезть из ямы.

– Вот так молодец! – засмеялся Иван. – В такую яму залез, что и не выберется. А вот, постой-ка, я тебя вытащу, – добавил он, и, сняв с себя кожаный ремень, сапожник один конец его опустил в яму: – Ну, Санька, хватай ремень да крепко вцепись в него, а я тебя потащу. Ну что, готово?

– Готово! – весело воскликнул Рыжик, которого стал забавлять своеобразный выход из ямы.

– Раз, два, три! – шутливо скомандовал Иван и, понатужившись, вытащил крестника наружу.

Через несколько минут Рыжик торжественно шествовал домой.

Глава X

Рыжик в роли пастуха

Прошел ровно год. Для Рыжика этот год был годом тяжелых испытаний. Оторванный от приемной матери, от домашней обстановки, он очутился во власти злой и черствой Катерины. Чего-чего только она не заставляла Саньку делать! И хату он убирал, и воду из реки носил, и в кабак за водкой бегал, и в лавочку за щетиной и гвоздиками ходил, даже печку он белил и в то же время по приказанию Ивана мочил в чашке подошвы, драл зубами дратву и учился тачать. Впрочем, в распоряжении Ивана он редко бывал: Рыжилом всецело завладела Катерина. Бывало, только усядется он за свое сапожное дело, как Катерина уже зовет его к себе, чтобы он ей помог горшки мыть или пол в сенях выравнивать.

– Что ты, Катерина, мальчика от работы отрываешь? – заметит, бывало, Иван.

– А тебе, лодырю, любо помощника иметь, чтобы вольготней было по кабакам бегать? – ответит жена.

И Чумаченко умолкал, зная, что входить в прения с женой не совсем безопасно.

Все это не могло не отразиться на характере Рыжика. Всегда веселый, жизнерадостный и беспечный, Санька становился с каждым днем серьезнее и задумчивее. Он ясно понимал, что толку из него не выйдет, если он будет жить у крестного, и это сознание не давало ему покоя. Вместо сапожного ремесла, вместо того, чтобы шилом ковырять кожу и молотком вколачивать в подошвы деревянные гвоздочки – о чем Санька, в сущности, только и мечтал, – его совсем превратили в домашнюю прислугу, заставляя делать то, что мужчине, каковым он себя считал, не пристало. Мало того, одно время Катерина превратила его в настоящего пастуха, или, вернее говоря, в свинопаса. Дело было летом. Ивану удалось как-то по случаю купить очень дешево свинью с двенадцатью крошечными поросятами. Сначала Чумаченко рассчитывал свинью перепродать, заработать рубля два и тем ограничиться, но Катерина взглянула на дело иначе. По ее мнению выходило, что если она купленную свинью со всем ее многочисленным семейством попридержит до Успенской ярмарки, они получат огромный барыш, так как к тому времени и поросята подрастут.

Санька, узнав о решении Катерины предоставить свинью с поросятами в его распоряжение, несказанно обрадовался. Больше всего его радовала мысль, что он будет на свободе, что перестанет таскать воду и не будет весь день сидеть в душной и смрадной хате. Когда же Катерина накануне сообщила, что она ему даст сумочку с хлебом, которую он может повесить через плечо, что даст она ему ножик и кнут, и когда наконец она сказала, что ему разрешается взять с собой Мойпеса, – радости мальчугана не было границ. Наконец-то он будет вместе со своим любимцем, которого злая Катерина до сих пор обдавала помоями, когда верный пес наносил визиты своему хозяину.

Рыжик сделался пастухом. Каждый день на рассвете, с длинным кнутом в руках и с сумочкой через плечо, выходил он во двор, выгонял из хлева свинью с поросятами и в сопровождении Мойпеса, к которому Катерина стала относиться снисходительней, отправлялся в дальний путь (пастбище находилось в трех верстах от города). Все это Рыжик делал с такой охотой, с такой любовью, точно бог весть какие блага давало ему его новое занятие.

Однажды городской пастух, встретив Саньку со свиньями, хмуро покосился на него и погрозил кулаком. Рыжик не понял, за что пастух на него сердится, но тем не менее счел нужным высунуть в ответ язык и с гиком и свистом пронестись мимо него во весь карьер.

Очень может быть, что Зазули и даже сам крестный не позволили бы Катерине сделать мальчика свинопасом, но воспрепятствовать этому помешали вспрыски, длившиеся ровно тринадцать дней. Дело в том, что Чумаченко, вспрыснув свинью, вспомнил на следующий день, что у свиньи имеются двенадцать поросят, которые в будущем обещали сделаться такими же

большими свиньями, как и их мать. Вспомнив это, сапожник и решил вспрыскивать каждого поросенка отдельно.

И Чумаченко с Зазулей пьянствовали тринадцать дней, забыв даже о существовании Саньки.

Однако свинопас Рыжик пробыл очень недолго.

В один прекрасный день к нему на луг пришла Дуня. Она явилась с тем, чтобы сообщить ему новость, что она учится читать.

– Счастливая ты какая! – тихо протянул Санька и с завистью взглянул на девочку.

Ему сделалось грустно.

«Вот она, – подумал он, – будет жить у господ, будет играть с паньчами, читать и писать научится, а я ничего не буду знать и вечно буду, как Мойпес, босиком бегать...»

– А паньчи вчера смеялись, – сказала Дуня, как бы угадав мысли Саньки.

– Отчего они смеялись? – живо заинтересовался Санька.

– Они из тебя смеялись (Дуня так и сказала: «из тебя»).

– А что?

– Говорят: ты свиней пасешь, с тобой они играть не будут.

– Почему? – спросил Рыжик, и сердце у него сжалось от непонятной тоски.

– Они говорят, что свинопас им не товарищ.

– А я им ружей делать не буду! – вспылil было Рыжик, но вскоре его мысли приняли другой оборот. – И то правда, – стал он рассуждать вслух, – и воду тащи, и свиней паси, а сапог шить не дают. Я сапожником хотел быть, а не пастухом... Знаешь, Дуня, – обратился он затем к девочке, – ежели так, я больше свиней пасти не буду. Возьму сейчас всех поросят да брошу в речку, пусть потонут...

– Что ты, что ты! Тебя насмерть избыют за это.

– Ну и пусть быют, а я возьму и убегу. Не хочу, чтобы надо мной паньчи смеялись. Я сам над ними посмеюсь, когда большой стану.

С этими словами Рыжик встал, схватил кнут и погнал свинью с поросятами к реке. Догадались ли животные о злом намерении маленького пастуха или же им просто пить не хотелось, но только, вместо того чтобы бежать к реке, они бросились в сторону, по направлению к роше. Это обстоятельство окончательно рассердило Рыжика, и он удвоил энергию. Мойпес, сообразив, что его хозяин гонится за свиньями, также бросился за ними.

Испуганные животные с невероятной быстротой неслись по всем направлениям; свинья хрюкала, поросята визжали, собака лаяла, а сам Рыжик, как тигренок, перескакивал с кочки на кочку и, размахивая кнутом, изо всей силы кричал Мойпесу:

– Куси, куси проклятых!

Через минуту на лугу и помину не осталось как от самой свиньи, так и от ее поросят. Одни только Санька с Дуней стояли возле роши да Мойпес, высунув язык, тяжело дышал, улегшись у ног хозяина.

– Пусть тетенька теперь ищет своих свиней, – с трудом переводя дух, проговорил Рыжик.

– Их теперь нельзя будет найти? – спросила Дуня.

– Нет, – уверенно ответил Санька, – они будут бежать, бежать, пока до Москвы не добегут, а там и подохнут. Дальше Москвы никто не в силах бежать. Твой дядя рассказывал, что и французы дальше Москвы не могли идти и все перемерзли, а уж поросята наверное погибли... Вот разве сама свинья выдержит...

– Ох, боюсь! – протянула Дуня.

– Чего?

– Бить тебя будут.

– А я убегу, – успокоил Рыжик Дуню и пригласил ее сесть на траву и разделить с ним обед.

Глава XI

Второй побег

День был знойный, безветренный. С высоты голубого неба палило июньское солнце. Было сонливо-тихо. Широкий луг, обожженный солнцем, пожелтел и замер. Задремала и роща. Только неугомонные и невидимые кузнечики без умолку стрекотали да изредка и как бы нехотя пиликали в роще мелкие птички. Санька с Дуней уселись в тени под густой зеленью молодого орешника. Мойпес растянулся тут же, высунув мокрый и трепещущий язык. Кругом, насколько мог охватить человеческий глаз, не было видно ни одной живой души.

Рыжику было жарко; с него пот катился градом, и он с трудом переводил дыхание.

– Кабы речка близко была бы, вот бы когда я выкупался, – протянул он, вытирая потное и красное лицо.

Дуня молчала. Она была занята думами о поросятах, убежавших, по словам Саньки, в Москву.

Рыжик, отдохнув немного, развязал свою сумочку, достал из нее кусок пшеничного хлеба, пару луковиц, соли и, разделив все это пополам, одну часть положил себе на подол рубашки, а другую отдал Дуне. Та молча приняла свою порцию и апатично стала есть. Временами она отщипывала тонкими пальчиками хлебную мякоть и кидала Мойпесу. Собака на лету подхватывала кусочки и так быстро проглатывала их, что издали можно было подумать, что она ловит мух.

Дети закусили, легли на траву и долго глядели на небо. – Небо-то какое высокое, страсть! – после долгого молчания заговорила Дуня. – Санька!

– Ась?

– Небо-то, говорю я, какое высокое.

– Да... Ни один человек не может до неба камнем достать.

– А птицы достают небо?

– Нет. Змей, тот достанет.

– Какой змей?

– Бумажный. Вот ежели, к примеру, пустить его да нитку оторвать, он будет лететь, лететь, пока в небо не вдарится...

– А тогда что?

– Тогда он сгорит. Попадет на солнце, а солнце-то все в огне, ну он и сгорит.

Дети снова умолкли.

– А что, теперь они уже далеко? – опять первая заговорила Дуня.

– Кто?

– Поросята.

– Далеко.

– До Москвы еще не добежали?

– Нет. До Москвы надо три дня бежать.

Девочка стала что-то высчитывать на пальцах, а затем, повернув голову к собеседнику, тихо и мечтательно произнесла:

– А знаешь, они в воскресенье будут там.

Рыжик ничего на это не возразил и только глубоко вздохнул: он в эту минуту искренне завидовал поросьятам и от души желал превратиться в свинью, чтобы иметь возможность убежать в Москву.

– Ну, я пойду, – вдруг заявила Дуня и поднялась с места.

– Куда? – встрепенулся Рыжик.

– Домой: меня тетка ждет.

– Подожди, не уходи!.. – чуть не плача, взмолился Санька.

Дуня покорно села на траву, всунула в рот указательный палец и задумалась. Задумался и Рыжик. Мальчиком овладевала тоска. В его воображении промелькнул образ Катерины.

– А я домой не пойду... – как бы про себя проговорил Санька, устремив полные слез глаза в пространство.

– Где же ты будешь? – заинтересовалась Дуня.

– Нигде я не буду... У меня нет дома... Меня не любят... обижают... Панычи смеются... Никто мне не родной. Я ничей...

Говоря это, мальчик употреблял всю силу воли, чтобы не расплакаться; но слезы, помимо его желания, катились из глаз и крупными каплями стекали с подбородка на рубашку и босые ноги.

Дуня, увидав, что Рыжик плачет, вторично поднялась с места и, боясь, чтобы Санька опять ее не задержал, со всех ног бросилась бежать. Потом она остановилась на минуту и издали крикнула:

– Ты не плачь! Я Зазулихе все расскажу, и она придет за тобой...

А сама побежала дальше. Рыжик с грустью следил за тем, как постепенно удалялась Дуня, как она тонкими босыми ногами проворно перепрыгивала через кочки и канавки и как с каждым мгновением ее и без того маленькая фигурка уменьшалась и таяла в прозрачном знойном воздухе летнего дня.

Не успела девочка скрыться из виду, как с другой стороны луга показалась высокая худая фигура женщины, торопливо направлявшаяся к роще. Зоркие глаза Саньки сейчас же узнали Катерину, и сердце мальчика замерло от страха. Он чувствовал, что Катерина ему спуска не даст за то, что он разогнал свиней, и что она его за это жестоко накажет. Не спуская глаз с бегущей к нему женщины, Рыжик в то же время напрягал весь свой детский ум, подыскивая подходящее для себя оправдание, но ничего придумать не мог. А Катерина между тем была уже близко. Рыжик успел даже разглядеть ее худое продолговатое лицо и горящие злобой серые глаза.

«Убьет, насмерть убьет», – промелькнуло в голове у Рыжика, и он решил бежать. Страх придал ему силу и энергию. Недолго думая, он приподнялся на ноги и бросился бежать, врезавшись в густую зелень рощи. За ним последовала собака.

Пробежав без отдыха минут пятнадцать, Рыжик наконец оглянулся. Возле него стоял с высунутым языком его приятель и тяжело дышал. Умные и влажные глаза Мойпеса были устремлены на мальчика и как бы спрашивали: «Скажи-ка, любезный, долго ли ты намерен меня гонять, как зайца, по лугам и рощам?»

Санька, затаив дыхание, стал прислушиваться, не бежит ли за ним Катерина, но его опасения были напрасны: в роще никого не было. Рыжик постоял еще немного, а затем тихо поплелся дальше, сам не зная куда. Узенькая тропинка, по которой он шел, зигзагами спускалась куда-то вниз. С каждым шагом роща редела и вскоре неожиданно закончилась почти у самой реки. Рыжик очутился в совершенно незнакомой ему местности. Он еще никогда так далеко не заходил. Это обстоятельство его обрадовало и встревожило в одно и то же время. С одной стороны, он был рад, что Катерина его не найдет теперь, а с другой – его стала мучить мысль, что он далеко ушел и что ему не найти обратно дороги. Но когда он осмотрел незнакомую местность, ему сразу сделалось хорошо и легко. Картина, представшая перед его глазами, настолько ему понравилась, что он перестал думать о Катерине, о поросятах и о панычах. Прежде всего Санька увидел, что река в этом месте гораздо шире, чем в городе.

«Здесь мне реку не переплыть», – подумал Рыжик. Он чмокнул губами, приглашая этим звуком Мойпеса, и тихо поплелся к берегу. До слуха мальчика откуда-то доносился глухой, неясный шум. Этот шум он слышал, еще когда выбежал из рощи; теперь же, приближаясь к реке, он совсем уже ясно слышал громкое гуденье, похожее на шум падающей воды. Река в том

месте, где находился Рыжик, делала крутой изгиб и совершенно исчезла из виду. Ему захотелось узнать, что там такое шумит, и он пошел вперед, держась вдоль берега. Через несколько минут он обогнул полукруг реки и остановился в радостном изумлении: перед ним выросла большая водяная мельница.

В городе он много слышал о ней. Мальчишки уверяли, что на мельнице живут черти, поедающие по ночам много муки. Заинтересовала Рыжика и «гребля» (плотина). По ней он перешел реку и приблизился к мельнице. У главного входа стояли возы, нагруженные мешками. Возле них топтались на одном месте босые крестьяне. На верхней площадке наружной лестницы стоял человек, весь белый от мучной пыли, и что-то кричал мужикам; но грохот падающей воды и гуденье мельницы были настолько сильны, что голоса мельника нельзя было слышать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.